

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

88

ТОМ ТРЕТИЙ
(ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ)

1938

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

Из телеграммы начальника Борисоглебского отделения
Харьково-Царицынского полицейского управления
Жел. дор. в департамент полиции, 8 сентября 1903 г.¹

2 сентября рабочие Борисоглебских мастерских вновь забастовали, не принимая во внимание никаких увещаний, требуя немедленного удовлетворения их требований. Сдерживая в течение двух месяцев волнения среди рабочих, я вынужден был уступить место сильному действию, произведенному прокламациями, угрожающими волнением всего города. Предполагается закрытие мастерских, расчет всех рабочих и высылка зачинщиков. Прибыли две роты из Тамбова.²

Подполковник Петров.

★ ★ ★

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	10 снизу	У нас немало учебников	У нас немало учебников
57	4—5 снизу (в сносках)	предлагавшего сократить	предлагавшего сохранить

«Красный архив» № 3 (88)

Зак. 643

¹ ДП. о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 36, лит. В. л. 31.

² 11 сентября в мастерских был произведен расчет, на следующий день работы возобновились; 20 руководителей забастовки были арестованы и отправлены в Тамбовскую тюрьму.

Андижанское восстание 1898 г.

18 мая 1898 г. в Фергане, в наиболее экономически развитой области Туркестана, произошли события, которые известны в истории Средней Азии под именем Андижанского восстания.

Один из наиболее популярных в Туркестане ишанов Магомет-Али-хальфа, известный больше под именем Мадали, проживавший в кишлаке Минь-тюбе, Маргеланского уезда, провозгласил «священную войну» (джихад) и стал во главе восстания, направленного против царского владычества. Вечером 17 мая в кишлаке Минь-тюбе собралась толпа. Среди собравшихся были киргизы и кипчаки из Андижанского и Ошского уездов и много местных узбеков-дехкан.

Мадали сформировал отряд из этих людей, наэлектризованных его фанатической проповедью. Отряд двинулся по направлению к Андижану. Впереди ехали конные, за ними пешком — вся масса. Точное количество восставших определить трудно. По некоторым сведениям у Мадали было 1500 человек.

Около 3 часов почти восставшие подошли к Андижану и напали на лагерь расквартированного там 20 батальона. Это нападение было произведено в полной тишине и совершенно неожиданно для войск. Нападавшие оценили лагерь и стали избивать сонных солдат. Часть солдат, успевших проснуться и взяться за оружие, под командой поручика Карселадзе бросились в штыки и дали залп по нападавшим. Этого оказалось достаточно, чтобы отбить нападение. По показаниям очевидцев вся стычка от начала нападения до начала бегства продолжалась не более 1/4 часа. Об этом говорит и телеграмма вр. исп. обязанности туркестанского генерал-губернатора Королькова от 24 мая 1898 г. Куропаткину.

Повстанцев не преследовали. Русский гарнизон не располагал кавалерией и у него не хватило патронов. Этим нападением на русский лагерь было исчерпано Андижанское восстание. Здесь не было ни больших сражений, ни партизанской войны, ни захвата городов и укрепленных пунктов, ни длительной борьбы между правительственными войсками и мятежниками, т. е. всего того, что обычно содержится в понятии настоящего народного движения.

Однако за этим, на первый взгляд незначительным выступлением, происшедшим 18 мая в Андижане, кроются очень глубокие и значительные события и они-то и представляют для нас большой исторический интерес. Необходимо отметить, что нападение на андижанский лагерь было поддержано и коренным населением Андижана, ибо по показаниям одного из участников — Маат-Муса, навстречу нападавшим из Андижана вышло еще около 200 чел. местных жителей. Кроме того, и это самое важное, движение не ограничилось только Маргеланским и Андижанским уездами, но оно распространилось на всю Фергану, Киргизию и отчасти даже на Самаркандскую область. Именно это обстоятельство объясняет нам тревогу и озабоченность, которую проявили по поводу андижанских событий русские правительственные круги вплоть до Куропаткина и Николая II.

Большое значение андижанских событий 1898 г. заключалось в том, что это было открытое нападение организованной повстанческой группы на колонизаторов, причем не на «мирных обывателей», чиновников или крестьян-переселенцев, что не являлось редкостью в эпоху царского господства в Средней Азии, а нападение на царский гарнизон, на войсковую часть. Это указывает на то, что восставшие рассчитывали на сильную поддержку большинства коренного населения. Политический характер Андижанского восстания был настолько оче-

виден, что русской администрации пришлось признать его политическую окраску.

Наконец большое историческое значение Андижанского восстания вытекает из общей политической обстановки на Востоке в конце XIX в. Это был кульминационный пункт русской завоевательной экспансии. Царская Россия закончила в этот период покорение Средней Азии. Несмотря на сильное противодействие британского империализма, России удалось захватить Хиву, Бухару, Ташкент, Самарканд, Фергану, окончательно покорить Туркмению от Каспийского моря до Аму-Дарьи и, в результате победы в 1885 г. при Бушке, вплотную подойти к Герату, этому «ключу к Индии», и наконец захватить Памир. Победы русского оружия содействовали укреплению русского царизма на всем Востоке. С другой стороны, военное могущество царской России, в соединении с грубыми, фельдфебельскими методами колониальной политики, терроризировало массы коренного населения завоеванных азиатских стран.

Андижанское восстание 1898 г. было далеко не первым проявлением движения широких масс в Средней Азии, направленного против русского владычества. Еще в 70-х годах в Фергане произошло восстание Пулат-хана, охватившее почти всю область. В 80-х годах в разных районах Ферганы действовали повстанческие отряды, так называемых «джетым-ханов», т. е. «лже-ханов». Это прозвище объясняется тем, что вожди этих отрядов выдавали себя за наследников Кокандских ханов. Русская администрация в своих донесениях называла их «разбойничьими шайками», стараясь скрыть политический характер этих партизанских движений.

Движение «джетым-ханов» было разгромлено, 50 предводителей были схвачены русской администрацией и 5 из них повешены.

В 1885 г., т. е. в период русско-афганского конфликта и русско-афганского столкновения в Пендинском оазисе, тревожные настроения снова распространились по всему Туркестану и докатились до Ферганы. Возникли смутные слухи о появлении мусульманского мессии — Махди, о войне России с Афганистаном и Китаем. Из кишлака в кишлак по рукам ходила прокламация, провозглашавшая близкое объявление «джихада». По некоторым версиям эта прокламация исходила от некоего Абдул-Карим бека, жившего в Пешавере. Снова появились отряды «джетым-ханов». Они устраивали налеты на кишлаки, вербуя в свои отряды бедняков-дехан, нападая на дома баев и волостных управителей, т. е. туземных агентов царского правительства. Нередко повстанцы брали в качестве заложников представителей сельской администрации. Главным предводителем движения 1885 г. был некий Дервиш-хан — Тюр, житель Коканда. По свидетельствам одного из представителей царской администрации — ген. Мединского¹ Дервиш-хан рассчитывал на поддержку всего населения и на общее восстание в Фергане. Для ликвидации движения была командирована экспедиция во главе с нач. Андижанского уезда, кап. Бряновым. Повстанческие отряды были разбиты, но сам Дервиш-хан успел укрыться и так и остался неразысканным.

Однако партизанские действия продолжались и дальше. Бывший тогда нач. штаба Туркестанского военного округа ген. Белявский пишет: «Разбои, бывавшие в Фергане и ранее, за последнее время приобрели большую смелость и дошли до того, что шайки нападали на наши пограничные посты и оказывали вооруженное сопротивление администрации. В прошлом году шайка дошла до такой силы, что против нее была выслана сотня казаков, которая и рассеяла ее. К крайнему сожалению, пострадали очень немногие из участников этой шайки и то второстепенные»².

Кто же были главные участники этих движений? Из какого социального слоя происходили эти борцы против царского гнета?

¹ Центральный Военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 85, ч. II, л. 16—28.

² Там же, д. № 85 лл. 106—110.

Говоря об арестованных мятежниках после поимки отряда Дервиш-хана в 1885 г., ген. Мединский пишет: «Арестованные затем участники беспорядков, более 60 человек, представляли жалкий вид, большинство из них бездомники»¹.

Прочие свидетельства о движениях 70—80-х годов также указывают, что выступали дехканская беднота, чайригеры, безземельные и бездомные бродяги.

Точно так же и в Андижанском восстании 1898 г. ясно виден чисто крестьянский его характер. Рапорт военного прокурора ген. Долинского отмечает: «Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то конечно это было бы сделано тотчас же, как только стали ходить слухи о замыслах ишана, о происходящих у него подозрительных совещаниях и сношениях его с доверенными лицами в разных местах».

В том же рапорте указывается, что главными социальными силами, участвовавшими в восстании, были: духовенство, бывшие офицеры Кокандского ханства, полуоседлые киргизы и кипчаки, узбекские дехканы и наконец, по выражению военного прокурора — «всякий сброд», поединщики (мердекеры), мелкие торговцы, «бродячий люд, не имеющий определенных занятий, теряя которому нечего». Отсюда ясно, что основной армией движения было трудовое дехканство и кочевники, к которым присоединились некоторые слои городской бедноты и мелкой буржуазии.

Руководство восстанием принадлежало мусульманскому духовенству и феодальным элементам. Но этот факт несколько не умаляет революционного, национально-освободительного значения андижанских событий. Феодальное руководство крестьянскими движениями — явление нередкое и не новое. С ним приходится встречаться при изучении истории большинства крестьянских восстаний в феодальных странах. Особенно типично это сочетание феодально-клерикального руководства с массовой крестьянской базой для стран колониального Востока. Мы находим его и в крестьянских войнах в Японии эры Токугава, и в тайпинском движении середины XIX в. в Китае (не говоря уже о более ранних крестьянских восстаниях), и в индийском восстании сипаев 1857 г. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений, — говорил товарищ Сталин в своих лекциях «Об основах ленинизма», — столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения»². Именно поэтому товарищ Сталин называл борьбу афганского эмира Амануиллы-хана за независимость объективно революционной.

Русское господство в Средней Азии сыграло свою прогрессивную роль, разрушая средневековый застой и замкнутость, неся с собой элементы просвещения и промышленного развития.

Но это прогрессивное влияние России сопровождалось самым бесчеловечным и варварским угнетением народов Средней Азии царизмом. «...царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всецелое диктаторство сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов...»³. Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма «...только в России существовала реальная сила, могущая разрешить

¹ См. ниже стр. 137.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 46.

³ Там же, стр. 4.

противоречия империализма революционным путем»¹. И в этом отношении Андижанское восстание, восстание трудящихся масс колониальной окраины, направленное против российского военно-феодалного империализма, было движением объективно революционным, несмотря на руководящую роль в нем мулл, ишанов, мелких ханов, несмотря на его мусульманско-фанатическую оболочку.

Однако то обстоятельство, что Андижанское восстание руководилось феодально-клерикальными элементами, сыграло немалую роль в его поражении и провале. Стихийная ненависть угнетенных и эксплуатируемых народных масс Средней Азии к угнетателям вылилась в форму фанатической мусульманской «священной войны». Во главе движения оказались ханы, беки и ишаны. Религиозная непримиримость заменила собой отсутствовавшие еще в то время у узбекских дехкан национальное чувство и стремление к национальному государству.

Как раз в эту эпоху по всему колониальному Востоку усиленно пропагандировалось учение панисламизма, стремившегося к объединению мусульман всего мира, к созданию единой мусульманской теократической империи. Это учение, инспирированное и выращенное турецкой феодальной деспотией Абдул-Гамида II, использовалось «кровавым султаном» в качестве весьма эффективного орудия во внешней и внутренней политике. На проски царского правительства на Балканах и в Армении Абдул-Гамид отвечал посылкой панисламистских агитаторов в Афганистан, в Среднюю Азию, на Кавказ, Поволжье и т. д. Турецкие эмиссары появлялись в мусульманских районах России, устанавливая связи с местным духовенством и мусульманской интеллигенцией.

Мы уже упоминали о деятельности некоего Абдул-Керим бека, распространившего из Пешавара в 1885 г. прокламации с призывом к священной войне. Несомненно, что и к событиям 1898 г. турецкие агенты имели некоторое отношение.

Во всяком случае делом этим заинтересовалась не только местная администрация, но и Петербург. На донесении, представленном Куропаткиным Николаю II, строки, говорившие о султанском послании, были подчеркнуты царем, и затем из Петербурга было дано предписание русскому послу в Константинополе выяснить, действительно ли султан Абдул-Гамид II являлся автором письма.

Несомненно и то, что панисламистское движение встречало сочувственный отклик со стороны британской агентуры в Индии, Афганистане, Персии, заинтересованной в ослаблении русского господства на Среднем Востоке. Но следует ли из этого, что народные движения в Туркестане и, в частности, Андижанское восстание есть дело рук панисламистов или англичан, или тех и других? Именно так и пытались изобразить дело некоторые представители русской администрации. Такое объяснение было выгодно для представителей царского самодержавия, которые хотели видеть причину всех неудач и болезней, не в упадке и разложении российского военно-феодалного империализма, а в иностранных кознях и интригах.

Во всех официальных документах, относящихся к событиям 1898 г., местных чиновников упрекали в излишней «мягкости и либерализме» по отношению к туземцам. Усиленно критиковалось «либеральное» положение 1886 г. об управлении Туркестаном и введенный им институт выборных волостных управителей.

Ген. Корольков, исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора, до приезда назначенного туда Духовского, сообщал в Петербург: «Со всех сторон слышу, повидимому, убежденные заявления о значительном падении русской власти в области, что приписывается ухудшению состава выборных

волостных против назначавшихся губернаторами, а также антагонизму, существующему с 1887 г. между судебными и административными чинами области и уменьшению значения в глазах населения, пользовавшихся прежде глубоким уважением уездных начальников». На этом донесении стоит собственноручная резолюция Николая II: «Обращаю особое внимание ваше, а также министра юстиции на конец этой телеграммы»¹.

Те же мотивы мы находим в записках ген. Белявского, который указывает, что до сих пор выборные управители записывали перед своими избирателями, т. е. главным образом перед баями и духовенством и потому не смогли донести о подготовке восстания. Но Андижанское восстание, как было выше упомянуто, в своей основе было движением народных широких масс, которые имели полное право быть недовольными новыми порядками царского правительства уже по одному тому обстоятельству, что водворение новой власти очень серьезно ограничивало и ущемляло материальное благосостояние крестьянских масс. Тот же самый ген. Белявский, занимавший видное положение в местной военной администрации, сваливая все на фанатизм, все же случайно, сам того не желая, несколько приоткрыл завесу: «Водворение русской власти,— пишет он в своей записке, отразилось там (в Фергане) даже неблагоприятно и вызывает постоянную тревогу, вследствие беспокойства, которое поддерживается неопределенностью податного и поземельного вопросов и недостаточной с нашей стороны настойчивостью в правильном разрешении оросительного вопроса вообще в крае»².

В действительности же причины и корни андижанских событий лежат отнюдь не в «либерализме» царских чиновников, не в панисламистской агитации, а во всей системе русского колониального гнета, против которого выступили трудящиеся дехканские массы. Религиозная исламистская окраска была только привеском, только оболочкой, происхождение которой вполне ясно. Мусульманское духовенство,— вернее, известная его часть,— была ущемлена русским господством. Русское правительство, согласно того же положения 1886 г. значительно ограничило права вакуфов, обложив их поземельной податью, от которой они прежде были освобождены, и изъяв из ведения мечетей некоторые заселенные земельные участки. Разумеется, это мероприятие ущемляло известную часть духовенства и т. е. образом так наз. мутевали, т. е. заведующих местными медресе, владевших вакуфами и пр.

Кроме того, было проведено запрещение на некоторое время паломничества в Мекку, что тоже отражалось на доходах местных мулл и на казне мечетей. Поэтому часть духовенства заняла враждебную позицию в отношении царской администрации и была не прочь использовать брожение дехканских масс в своих интересах. Духовенство стало во главе движения еще и потому, что правильно угадало настроение в массах, и рассчитывало таким образом укрепить свой авторитет и свою популярность, переоценивая вместе с тем силу панисламистского движения зарубежного Востока, и легкомысленно надеясь на поддержку абдулгамидовской Турции.

Как явствует из материалов следствия, среди руководителей движения было немало бывших офицеров Бокандского хана, разорившихся и оставшихся без дела после захвата Боканда Россией.

Помогали движению и местные купцы. 31 мая генерал Корольков телеграфировал Куропаткину: «По данным, добытым дознанием, производимым в Маргелане, оказывается, что навстречу ишану для присоединения к нему из Андижана выходила партия мятежников около 200 человек. Организаторами этой партии явились богатые андижанские купцы, которые еще не арестованы, за переполнением арестных помещений, но находятся под строгим надзором»³.

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 180.

² Там же, л. 100.

³ Там же, ч. II, л. 30.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 6.

Что же касается крупных местных феодалов, являвшихся союзниками и опорой царского владычества, различных «почетных туземцев», баев, аксакалов и пр., то они в большинстве были враждебно настроены к восстанию и играли предательскую роль. Андижанская операция Мадали по плану должна была происходить одновременно с нападением других частей повстанцев на Ош и Маргелан. Однако эти операции были сорваны из-за предательства. Например, нападение на Ош не состоялось потому, что еще 17 мая 6. волостной управитель Карабек Хасанов донес уездному начальнику о готовящемся; были приняты соответствующие меры, и предводитель повстанцев — Умарбек Датхи был арестован. После восстания эти слои наперебой выражали свою преданность и сочувствие русской администрации. Ташкентские «почетные туземцы» выражали через посредство губернатора «свои верноподданнические чувства, негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просили дозволения собрать между собою сумму для семейств убитых нижних чинов»¹. Такие же заявления слышались при проезде нового ген.-губ. Духовского через Катта-Курган, Самарканд и другие места от различных туземных deputаций и пр.

Андижанское восстание потерпело быстрое поражение. Однако оно носило тщательный и широко задуманный характер. Охватив всю Фергану, движение распространилось на прочие области Туркестана. Один из обвиняемых — киргиз Маат-Муса в своих показаниях говорит о том, что он был командирован в киргизские районы с директивными письмами от ишана. Сам ген. Корольков пишет в Петербург, что «раскрытие этой организации и степени участия в ней других местностей края составляет нелегкую, при существующих средствах, задачу, для выполнения коей данные только теперь начинают попадать в наши руки». На этой же точке зрения стоит и новый ген.-губ. Духовской. Еще более четко эта мысль выражена в рапорте военного прокурора ген. Долинского, который указывает на массовый характер движения, на обширность района, охваченного движением, на множество замешанных в организации лиц.

Слабость руководства, противоречие между массами и вождями, неравенство борющихся сторон, полная разобщенность между национальным движением коренного населения и революционным движением русского пролетариата в городах — все это обусловило провал Андижанского восстания. Немалую роль сыграло предательство сельской феодальной верхушки.

После восстания начались суровые репрессии не только по отношению к непосредственным участникам восстания, но и ко всем замешанным в его подготовке. Первым мероприятием была генеральная порка арестованных. Б. ген.-губернатор Повало-Швейковский, стараясь загладить свою вину, телеграфировал в Петербург, что эта порка нагайками «произвела прекрасное впечатление, как на туземное население, так и на войска». Каково было это «прекрасное впечатление» можно судить хотя бы из того, что даже ген. Корольков сообщает, без особого сочувствия, о том, что тюремный лазарет переполнен серьезно больными, из числа наказанных нагайками по приказу Повало-Швейковского.

Свыше 400 чел. понесло наказание и из них 18 было повешено, в том числе и сам Мадали. Остальным досталась каторга и ссылка. Пойман был также племянник ишана, который намечался организатором восстания в качестве кандидата на ханский трон. Жители виновных кышлаков Минь-тюбе и Науката были выселены, кышлаки срыты и земля, на которых они находились, отведена под поселение для русских крестьян переселенцев. Началась еще более свирепая русификация, и тиски колониального гнета были завинчены еще туже.

Однако народное движение в Средней Азии не было окончательно подавлено. 18 лет спустя, в 1916 г. в Узбекистане, Казахстане, Туркмении вспыхнуло новое, гораздо более обширное и грозное восстание против царизма.

Но только «...Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против

всякого, — значит и национального, — гнета, против власти буржуазии, «своей» и чужой, против империализма вообще»¹.

Навсегда свергнув при помощи и руководстве победоносного рабочего класса России, возглавляемого партией Ленина — Сталина, гнет империализма, народы Средней Азии в братском союзе со всеми народами великого Советского Союза достигли за годы Советской власти исключительных успехов в деле социалистического строительства и под знаменем Сталинской Конституции, под твердым руководством большевистской партии одерживают победу за победой, строят свою радостную жизнь.

Материалы подготовлены к печати гг. Д. С. Сейдаметовым и Н. П. Шляпниковым.

Е. Штейнберг

Рапорт командира 20 Туркестанского линейного кадрового батальона и начальника Андижанского гарнизона подполковника Михайлова на имя Николая II, 20 мая 1898 г., № 633².

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что 18 сего мая, перед рассветом, около трех часов утра, при совершенной темноте, со стороны Дон-Кишлака, прилегающего своими садами к правому флангу лагеря, шайка туземцев от полутора до двух тысяч человек, при полной тишине, подкралась к лагерю; впереди двигались конные, а за ними пешие туземцы; подкравшись к крайнему барaku, занятому первыми тремя взводами 4 роты 20 Туркестанского линейного кадрового батальона, они сразу окружили барак, бросились в проходы, стали вскакивать со всех сторон в пролеты между столбами, поддерживающими крышу барака, и начали бить и резать спавших нижних чинов при тихих возгласах: «ур, ур».

Первый увидал туземцев стоявший дневальным на фланге барака рядовой той же роты Тютин, который не своим голосом вскрикнул и тотчас же был убит. Дневальный с другого фланга рядовой Масляников, а также дежурный по 4 роте рядовой Жернов и дежурный по двум ротам старший унтер-офицер Степанов, перед этим читавший книгу при лампе в 3 взводе, бросились на шум с криком: «вставайте, в ружье». Туземцы же, вскакивая со всех сторон, моментально заняли весь барак; дежурный по 4 роте и дневальный были тотчас же убиты; дежурный по двум ротам, получив вскользь удары в голову и в плечо, бросился обратно к 5 роте; те из нижних чинов, которые успели схватить винтовки, старались пробиться к 5 роте, отбиваясь прикладом и штыком. Унтер-офицер Степанов, вбежав в помещение 5 роты стал кричать: «Петлица (фамилия фельдфебеля 5 роты, который встал раньше и перед этим только что разговаривал с унтер-офицером Степановым) — буди людей, режут!» Фельдфебель 5 роты Петлица стал будить нижних чинов и кричать: «В ружье».

Одновременно с этим не спавший в то время подпоручик 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона Карселадзе, оставшийся временно за командира 5 роты, уволенного в г. Маргелан, и ночевавший в бараке, отведенном для околodka и расположенном в шагах тридцати

¹ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1938 г., стр. 55.

² ЦВИА. Гл. штаб азиатской части, д. № 85, ч. II, лл. 63—68. На подлиннике пометка: «Его величество изволил читать. — 8 июня 1898 г. Ген.-лейт. Куропаткин». Кроме этого рапорта, в деле № 85, ч. II имеется рапорт командира 4 туркестанского линейного батальона полковника Афанасьева от 19 мая 1898 г. Николай II об андижанском восстании, о принятых им мерах в Ошском уезде и об отправке им из Оша 3 роты вверенного ему батальона на помощь гарнизону Андижана.

9 Красный архив. № 3 (89)

¹ См. ниже, стр. 134.

появил барак передней линии, между бараками 4 и 5 рот. Услышав возгласы: «ур, ур», схватил из-под подушки револьвер, выскочил из барака и, увидев, что барак 4 роты весь окружен копытами туземцами, сделал последовательно в туземцев 4 выстрела и бросился за 5 ротой. Услышав выстрелы, дежурный по 5 роте сфрейтор Лясковский, писавший в это время письмо в 3 взводе, также стал кричать: «вставайте, в ружье».

Около половины роты выскочили с ружьями перед барак и, наступая с обеих сторон барака, штыками стали отбивать туземцев, а в это время фельдфебель и дежурный по роте раздавали другой половине роты караульные патроны, хранившиеся в ротной канцелярии в количестве одного ящика. Подпоручик Карселадзе с этими людьми бросился на туземцев с криками «ура» и барабанным боем, открыв по ним учащенный огонь. Туземцы отбивались книжками, батиками, шапками, кольями и серпами.

Когда туземцы были выбиты из лагеря, нижние чины остановились у крайнего фаса барака 4 роты, продолжая стрелять учащенным огнем; при отступлении туземцы также начали стрелять из имевшихся у них револьверов, карабинов и других ружей.

Когда местность перед баракom очистилась, то нижние чины увидели стоявшего шагах в пятинадцати от барака мулту, который держал перед собою коран и что-то читал с поднятыми к небу глазами; около мулты с обеих сторон стояло человек десять туземцев с двумя небольшими значками красного и белого цветов; все эти туземцы были вооружены револьверами, из которых и стреляли в нижних чинов, но все эти люди были тотчас же убиты нижними чинами.

Туземцы отступали очень быстро, подхватывая своих раненых и убитых. Нижние чины за наименьшим патроном преследовать туземцев не могли. При наступлении подпоручик Карселадзе выстрелом из револьвера сбил с лошади знаменщика с шелковым зеленым знаменем, а другим убил под знаменщиком лошадь; тогда рядовой 4 роты Титов воткнул штык в падающего знаменосца, и знамя было взято подпоручиком Карселадзе.

От начала нападения туземцев до их бегства прошло не более десяти или пятнадцати минут. Когда еще слышны были выстрелы на правом фланге лагеря, прибежали в лагерь подпоручики того же батальона Глуздовский и Юрасов; их окружил человек двенадцать нижних чинов с просьбой дать патроны. Подпоручик Глуздовский с этими людьми бросился в пороховой погреб, отстоящий от лагеря в шагах около тысячи, сбил замок, взял патроны и, оставив для охраны погреба шесть человек, с остальными нижними чинами побежал в лагерь, дав два залпа вверх, чтобы показать туземцам, что подходит подкрепление. Я, услышав первый выстрел и, полагая, что бежали с гауптвахты арестанты, стал одеваться, но через несколько минут прибежал кто-то из нижних чинов и сказал, что туземцы напали на лагерь и режут солдат. Я бросился в лагерь и прибежал, когда нападение было отбито. Тотчас же было послано за молодыми солдатами, с вечера выступившими из лагеря в составе 22 молодых и 5 учителей 4 роты на стрельбище, находившееся от лагеря в 10 верстах, для начала прохождения подготовительной стрельбы, которые и прибыли благополучно в лагерь под командой подпоручика 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона Розалино-Сомальского.

Отряд вверенного мне гарнизона состоял из двух рот 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона, в составе одного штаб-офицера, 7 обер-офицеров и в 4 роте унтер-офицеров и рядовых 139 человек, из которых больных 9 человек, казенной прислуги и писарь — 9

человек, на стрельбище — 27 человек, в карауле на гауптвахте в крепости при гражданских арестантах — 26 человек, домашний расход, как-то: хлебопек, поваров, кошюков, нестроевых и уволенных из лагеря в город на ночь — 16 человек; итого в 4 роте ночевали в лагерях 52 человека; в 5 роте: унтер-офицеров и рядовых 136 человек, из них больных 12 человек, в домашнем расходе с казенной прислугой — 13 человек; итого ночевало в лагерях в 5 роте — 111 человек. Из этого состава выбыло из строя: убитыми два унтер-офицера и 19 рядовых, тяжело раненых — 14 нижних чинов, из числа которых один умер на другой день; легко раненых — 5 нижних чинов. Винтовок не оказалось 31, которые могли быть унесены бунтовщиками, но эта цифра не вполне точна, так как винтовки раздавались для защиты русскому населению города и пока не все еще собраны. Пропавших патронов не было.

Ввиду вышеизложенного происшествия мною были сделаны следующие распоряжения: патроны в количестве 23 тысяч перенесены в крепость, больные из лазарета поставлены были в строй, раненые перенесены были в крепость, куда я поместил гарнизон в количестве 16 человек, считая в том числе караул, охраняющий гражданских арестантов, и выставил на барбеты имеющиеся в крепости два орудия. С оставшимися людьми в течение дня я охранял два фаса города, с которых можно было ожидать нападения туземцев. Так как проволока правительственного и железнодорожного телеграфов в г. Маргелан была обрзана, а сообщение с городом Ошем оказалось в исправности, то я сообщил телеграммой командиру 4 Туркестанского линейного батальона о случившемся для предупреждения его и, не зная, будет ли восстановлено сообщение с г. Маргеланом, просил командира 4 батальона, если он может, прислать одну роту на подкрепление.

Когда сообщение с г. Маргеланом было восстановлено, я донес о случившемся командующему резервными и местными войсками Ферганской области и получил через начальника Андижанского уезда извещение, что на подкрепление высланы из г. Маргелана одна рота 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона с 20 охотниками того же батальона, и что командующий резервными и местными войсками Ферганской области выезжает в город Андижан.

Узнав, что телеграфное сообщение г. Маргелана с городами Коканом и Ташкентом прервано, я предположил, что восстание может принять большие размеры, и, имея в своем распоряжении, за вычетом караула, гарнизона, оставленного в крепости, и десяти охотников, отданных в распоряжение участкового пристава штаб-капитана Агабекова для поимки ишана, только 80 штыков, в числе которых 56 молодых солдат, не проходивших стрельбу, я решил сосредоточить к вечеру весь отряд в крепости, где и защищаться. Так как для защиты города мне пришлось бы дробить роту на мелкие отряды, в которых за стойкость молодых солдат я ручаться не мог, и, кроме того, малые отряды ночью могли быть задавлены численностью восставших, которые могли воспользоваться нашими винтовками против нас же, почему я и приказал перевести деньги уездного казначейства и почтовой конторы в крепость, объявив жителям, чтобы они отправили в крепость женщин и детей и что в крепости мужскому населению будут выданы свободные винтовки. В крепость на всякий случай приказал наносить воды.

С наступлением сумерек, когда все жители были уже в крепости, я стал стягивать весь отряд в крепость, которую и занял.

В одиннадцать часов ночи прибыла из Оша одна рота 4 Туркестанского линейного батальона и из Маргелана с поездом одна рота и 20 охотников 20 Туркестанского батальона. Тогда я тотчас двумя ротами

и охотниками оцепил город, чтобы не могли расхитить имущество жителей. При таком расположении отряд оставался до утра, до прибытия командующего резервными и местными войсками Ферганской области.

Младший штабс-офицер 20 Туркестанского линейного кадрового батальона подполковник Михайлов.

**Доклад управляющего делами военного министерства
ген.-лейт. Куропаткина Николаю II, 20 мая 1898 г.¹**

Временно командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Корольков 18 сего мая донес по телеграфу: «Ферганский военный губернатор доносит, что вчера вечером в Маргеланском уезде ишан Могамед-Али-хальфа объявил газават и с шайкой в 1000 человек направился в Андижан, перерезав телеграф, сегодня на рассвете внезапно напал на лагерь 20 батальона, причем убито 21 и ранено 10 нижних чинов², шайка рассеяна огнем, оставив на месте 11 убитых и 8 раненых. Военный губернатор послал по железной дороге из Маргелана в Андижан роту 20 батальона и команду охотников, сам же с 13 нестроевыми казаками направляется туда по грунтовой дороге. По частным сведениям, наша потеря еще значительнее, и русское население Андижана в панике, ввиду беспорядков здесь случая нападения на войска. Мной сделано распоряжение о принятии мер осторожности в войсках, городах и о подчинении на время беспорядков всех войск Ферганской области военному губернатору, а также о снятии с травы сотни 5 Оренбургского полка».

В виду такого небывалого в Средней Азии нападения на русские войска среди глубокого мира, полагалось бы необходимым немедленно принять нижеследующие меры:

- 1) Одобрить сделанные ген.-лейт. Корольковым распоряжения.
- 2) Туркестанскому ген.-губ. ген.-лейт. Духовскому предписать отправиться теперь же к месту служения³.
- 3) Ген.-лейт. Королькову отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска, выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно поведение войск.
- 4) Отстранить от занимаемых должностей ферганского военного губернатора, ген.-лейт. Повало-Швейковского и андижанского уездного начальника.
- 5) Командировать начальника I Туркестанской линейной бригады ген.-майора Ионova в Фергану и возложить на него временно командование войсками, в области расположенными, а равно непосредственное начальствование частями войск, кои будут назначены для поимки виновных в нападении на наш лагерь, и для борьбы с новыми шайками, если таковые появятся.
- 6) Командировать в распоряжение ген.-майора Ионova из Самарканда в Фергану две сотни 2 Уральского казачьего полка вместе с командиром одного, полковником Жигалиным.
- 7) Усилить состав Памирского поста⁴.

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. I, лл. 20—21. — На докладе помета Николая II: «Согласен».

² Замечается некоторое противоречие в документах относительно числа убитых и раненых, объясняемое тем, что в первых сообщениях не было точного учета количества убитых и раненых. По последним, более точным сообщениям, убито 22 и ранено 16 нижних чинов.

³ Ген.-лейт. Духовской в это время был в Петербурге.

⁴ Памирский пост был расположен на Мургабе, у устья реки Ак-Байтал, у афганской границы.

8) Принять меры на случай возможных волнений в горах и в области.

9) Указать подлежащим начальствующим лицам, что виновные в нападении на наши войска должны быть наказаны с примерной строгостью, причем временно командующему войсками Туркестанского округа предоставить право конфирмации приговоров полевого суда.

10) Для временного исполнения должности ферганского военного губернатора командировать в Маргелан начальника 2 Закаспийской стрелковой бригады, ген.-майора Чайковского и назначить ему в помощь начальников уездов: Самаркандского — полковника Чернявского и Теджентского — подполковника Крылова.

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству одобрить изложенные предположения и высочайше повелеть привести их в исполнение.

Ген.-лейт. Куропаткин¹.

**Записка управляющего военным министерством ген.-лейт. Куропаткина
помощнику начальника Главного штаба ген.-Усakovскому,
21 мая 1898 г.²**

Прикажете написать правительственное сообщение для помещения в «Инвалиде» о нападении на лагерь русских войск в Андижане. Надо изложить правдиво и спокойно. Указать, что несмотря на полную неожиданность, войска — две роты — быстро оправились и отбили нападение. Указать о преследовании шайки (по второй и третьей депешам), о поимке главаря шайки, о мерах, принятых Корольковым. Надо затем коротко указать, что по высочайшему повелению ферганский военный губернатор и андижанский уездный начальник, допустившие среди глубокого мира сформирование шайки, устранены от занимаемых ими должностей. Строгое расследование назначено. Упомянуть, что донесение о том, что шайка имела численность до 1000 человек, представляется крайне увеличенным.

Попросите генерала Путята³ ко мне в канцелярию военного министерства сегодня в 11 час.

Куропаткин.

Сообщение надо прислать мне сегодня вечером.

Правительственное сообщение⁴.

Вечером 17 мая, в Маргеланском уезде, Ферганской области, туземец ишан Магомет-Али-хальфа объявил газават (священную войну) и с значительной шайкой направился в Андижан, перерезав телеграфные провода. 18 числа, на рассвете, он внезапно напал на лагерь двух рот 20 Туркестанского линейно-кадрового батальона, причем было убито 22 и ранено 16 нижних чинов. Несмотря на полную неожиданность, роты эти быстро оправились и, отбив нападение, рассеяли шайку огнем. Мятежники оставили на месте 11 убитых и 8 раненых. Значительная часть нападавших под огнем нашей пехоты обратилась в бегство в раз-

¹ Куропаткин А. Г. ген.-адъютант; генерал от инфантерии. Родился 17 марта 1848 г., Нач. Закаспийской области и командующий войсками с 27/III-1890 г. по 1/I-1898 г.; управляющий военным министерством с 1/I по 1/VII 1898 г.; военный министр и председатель Военного Совета с 1/VII 1898 г. по 7/II-1904 г.

² ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 35 об.

³ Генерал Путята был с 14/I 1899 г. по 30/III 1902 г. зав. Азиатской частью главного штаба.

⁴ ЦВИА, д. № 85, ч. I, лл. 32—32 об. Было напечатано в «Русском инвалиде» 23 мая 1898 г.

ных направлениях; остальные же, с главой шайки, отступили, перейдя Кара-Дарью у Хаким-Абада. Для преследования их направлена была рота и 50 человек охотничьей команды верхом из Намангана. По донесению от 20 мая¹ глава шайки с одним приближенным уже захвачены и оба содержатся под усиленным караулом.

Это прискорбное событие, насколько то возможно ныне выяснить, вызвано лишь фанатиком ишаном с его приближенными. Все остальное население области остается вполне спокойным. По высочайшему повелению, ферганский военный губернатор, допустивший среди глубокого мира образование шайки и нападение на русские войска, устранен от должности.

Из телеграммы ген.-лейт. Королькова ген.-лейт. Куропаткину,
24 мая 1898 г., № 28².

Меры по поимке мятежников были предприняты администрацией Андижанского уезда и, благодаря распорядительности уездного начальника подполковника Кошневского и его знания местных условий, им сразу был избран верный путь. Послав поручика Агабекова как раз по той дороге, по которой бежал начальник мятежной шайки, он этим дал возможность быстро поймать ишана, который был схвачен на другой день вечером³ в 90 верстах от Андижана, а вчера вечером был изловлен другим волостным старшиной видный сотрудник ишана Субтанкул, у которого отобрано письмо из Турции. Оказалось, что в этом письме, имеющем сомнительный штемпель султана, ишан назначается помощником халифа.

Насколько можно судить теперь, причины мятежа заключаются, кроме мусульманского фанатизма, еще в различных обстоятельствах, вызвавших недовольство местного населения. По имеющимся сведениям, отчасти подтверждающимся расследованием, общность побудительных причин должна была вызвать одновременное восстание всей Ферганы, причем нападение в Андижане случайно пропаведено раньше условленного предположения — подняться лишь по уборке ячменя; это время вскоре наступает; поэтому, несмотря на видимое спокойствие, нельзя вполне отрицать возможности повторения мятежных попыток. Принимаю возможные меры, усилил средства охраны железной дороги, в виду, между прочим, того, что качества личного состава строителей дороги внушают опасения⁴, что неосновательная паника вдоль линии может отразиться вредно на эксплуатации дороги. Затем озабочился очисткой от насаждений местности вокруг русского города на случай, если твердо держащиеся слухи в Андижане о предстоящем вновь нападении на город оправдаются.

Ташкентские почтенные туземцы, с разрешения губернатора, выражают верноподданнические чувства, негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просят дозволения собрать между собой сумму для семейств убитых нижних чинов. Наманганский уездный начальник с 25 охотниками, 7 батальонами⁵ и 15 казаками выступил сегодня в горную часть уезда, где, по сведениям, собираются скопища киргизов. Маргеланский уездный начальник производит энергично в своем уезде розыски виновных; им арестованы 55 человек, из которых пятеро воло-

¹ Донесение ген.-лейт. Королькова туркестанскому ген.-губерн. Духовскому.

² ЦВИА, д. 85, ч. I, лл. 77—82. Опущена первая часть телеграммы с изложением подробностей нападения на андижанский лагерь, поскольку эти сведения приведены выше.

³ 19 мая 1898 г. (прим. в подлиннике).

⁴ Речь идет о строительстве Среднеазиатской ж. д.

⁵ Так в подлиннике.

стных управителей и народные судьи; из остальных уездов области новых сведений не получено.

В дополнение сведений о происшествии доношу, что 17 [мая] вечером в Кулинской волости был в присутствии ишана хальфа обезглавлен мятежниками мещанин Бычков, а на рассвете 18 в селении партией шайки ишана убит мещанин, ехавший верхом в Маргелан, 21 убит киргизами лесобезчик, но это преступление, повидимому, не имеет связи с делом ишана; виновники этих преступлений одни уже захвачены, другие разыскиваются.

Ген.-лейт. Корольков.

Телеграмма ген.-лейт. Куропаткина ген.-лейт. Королькову,
26 мая 1898 г., № 1493¹.

По всеподданнейшему докладу моему государю императору телеграмм вашего превосходительства от 24 мая за № 23, 27 и 28, его императорское величество 26 мая разрешил:

1. Отступить в Туркестанском военном округе от расписания летних занятий сего года.
2. Направить охотничьи команды войск Сыр-Дарьинской и Ферганской областей в разные районы Ферганской области для ловли участников в нападении 18 мая и рассеивания новых шайк.
3. Подкрепить войска Ферганской области, если то потребует, войсками из Ташкента, например батальоном пехоты и двумя сотнями казаков, или одною сотнею.
4. Дать военную охрану железной дороге в пределах Туркестанского военного округа, главным образом в Ферганской области.
5. Начать вооружать берданками постепенно и осторожно, чтобы не обижать недоверием преданных нам туземцев, русское население городов и служащих на железной дороге.
6. Несколько винтовок бердана с особыми билетами могут быть розданы несомненно преданным нам туземным должностным лицам, особенно тем из них, кои выдали или способствовали поимке бунтарей. Эти винтовки должны быть сданы обратно при первой же возможности.
7. Начальников уездов Андижанского и Маргеланского разрешено временно не отстранять от занимаемых ими должностей. Но необходимо приять все меры, дабы эти лица не умаляли участия населения вверенных им уездов в нападении 18 мая.

Ген.-лейт. Куропаткин.

Записка пом. военного губ. Самаркандской области ген.-майора Мединского ген.-лейт. Куропаткину, 26 мая 1898 г.²

Ваше высокопревосходительство изволили поручить мне, как прослужившему 17 лет в Ферганской области, представить вам записку о повлиявших до настоящего времени в этой области шайках и о тех способах наказаний, которым подвергались как главные виновники производившихся беспорядков, так и население, принимавшее в них участие. Исполняя эти поручения, имею честь доложить следующее.

Туземное население Ферганской области, главным образом, состоит из сартов³, небольшой части таджиков и затем, давно уже осевшего, многочисленного рода кипчаков и киргиз. Самым беспокойным элементом среди этих народностей являются кипчаки, населяющие преимущественно довольно обширный и богатый Андижанский уезд и находившиеся

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. I, л. 89.

² Там же, ч. III, лл. 22—21.

³ Сарт — так царские колонизаторы называли оседлое узбекское население городов Туркестана.

еще во времена ханских правительств в постоянной вражде с оседлыми сартами. Все беспорядки в бывшем Кокандском ханстве всегда исходили от кипчаков, и ханы, в числе мер к примирению с ними и привлечению их на свою сторону, старались вступать с ними в родство, путем браков. Однако же подобного рода политика не только не достигала цели, но, напротив, дала повод кипчакам добиваться высших должностей и, в свою очередь, выдвигать претендентов на ханство из своей среды, чем и порождены, конечно, бесконечные смуты.

Так, в период занятия нами Чуйской долины, взятия Аулие-Ата, Чимкента¹ и Ташкента — Кокандским ханством управлял Алимкул, а настоящий хан, Худояр, был изгнан из ханства. То же самое предшествовало и окончательному занятию нами Кокандского ханства (Ферганы) в 1875 и 1876 годах. Худояр хан опять был изгнан, и стоявший во главе движения кипчак Абдурахман командовал всеми войсками ханства. Хотя генералом Скобелевым он скоро был взят и выслан на жительство во внутренние губернии, но в том же 1876 г. на первых же, так сказать, порах присоединения ханства к России, стали появляться шайки из сторонников претендента на ханство Абдул-Керимбека, скоро бежавшего в Пешавар, а затем, под предводительством также кипчака Пулат-хана, пока он, наконец, не был пойман и повешен с двумя своими сообщниками.

Но, затем, помимо этой исторической причины, появлению шаяк, в последующие годы уже с целями чисто-грабительскими, главным образом, способствовал унаследованный нами довольно значительный контингент людей бездомных и безземельных, или совершенно отвыкших от хозяйства и всякого труда, оставшихся из числа войск последнего хана Худояра, и других служивых людей. Хотя во главе этих шаяк стояли лица, именовавшие себя ханами, а населением называвшиеся джетым-ханами (ложными ханами), но никакой политической подкладки им приписать было нельзя, так как преступная деятельность их была направлена на грабежи самих же туземцев. Ханами же они величали себя для придания своим действиям в глазах народа большего значения и внушения ему еще большего страха. Таков взгляд и ревизии, бывшей в Туркестане в 1882 и 1883 годах.

В 1882 г. в области появилось уже несколько шаяк и некоторые предводители их также называли себя ханами. Все они обвинялись в грабежах и разбоях, совершенных над туземцами же. Всего обвиненных было 50 человек, из коих 5 главных были повешены, а другие отправлены в каторжные работы и подвергнуты разным наказаниям по степени вины. Понимка виновных произведена только силами администрации при некоторой помощи населения.

Затем, в июле 1885 г. среди туземцев Ферганы стали распространяться слухи тревожного характера. Говорили об ожидаемом появлении Махди², о близкой войне нашей с Афганистаном и Китаем, и близкой смерти Бухарского эмира, и о неизбежных потом волнениях в Бухаре.

Также среди оседлого населения Андижанского и Ошского уездов и в Коканде начались толки о лже-ханах и прокламациях, будто бы, Абдул-Керимбека, проживавшего в Пешаваре. Вместе со всеми этими слухами совпало короткое пребывание в Коканде вдовы Худояр-хана со своим внуком, чему в населении приписывалось политическое значение.

¹ Аулие-Ата и Чимкент были взяты царскими войсками в 1864 г. В 1875 г. в Кокандском ханстве, во главе которого стоял Худояр-хан — ставленник Бухарского эмира, между царскими войсками и войсками Кокандского ханства начались военные действия, в результате которых царские войска заняли Наманган, Коканд и Андижан, вследствие чего Кокандское ханство было присоединено к России. Из земель Кокандского ханства в 1876 г. была образована Ферганская область.

² Махди — спаситель.

В конце того же июля был задержан в Намангане неизвестный бродяга, выдававший себя за сына бывшего кокандского хана — Мамла-хана.

Наблюдения за поведением кипчаков приводили к заключению, что хотя в данное время (конец июля и начало августа) кипчаки и были совершенно спокойны, однако население это чутко прислушивалось ко всем слухам извне, причем слухи о столкновении России с Афганистаном и покровительстве Англии Абдурахман хану¹ проникли повсеместно. В половине же августа в Андижанском, Ошском и Маргеланском уездах уже стали появляться шайки. При нападении их на кишлаки захватывались люди, лошади, оружие, частью халаты и ковры. Главным образом, стали нападать на дома волостных управителей и захватывать их, причем двух им удалось захватить в Андижанском уезде, один из которых был убит за отказ от присоединения к восстанию, а другой успел бежать.

Главным деятелем по формированию шаяк и предводителем их оказался Дервиш-хан-Тюря, проживавший перед тем то в Кокандском, то в Андижанском уездах, где у него имелась недвижимая собственность. При отсутствии частных грабежей, руководители шаяк надеялись на присоединение к ним большей части населения, рассчитывая путем воззваний поднять общее восстание в Фергане, туземцы которой, под влиянием описанных выше слухов, находились в довольно напряженном состоянии. Таким образом все действия шаяк указывали, что они появились с целями антиправительственными.

Для преследования шаяк были посланы пехотные команды, посаженные на коней или на арбы, при начальнике андижанского уезда капитане (ныне полковник) Брянове его помощнике и помощнике начальника Ошского уезда. Соединившиеся шайки были настигнуты Бряновым и рассеяны, причем трое из шайки убито, пять тяжело ранено и семь взято живыми, в числе коих оказался некий Мумын-бий, один из старших помощников Дервиш-хана. Главный же виновник беспорядков, Дервиш-хан, к сожалению, остался неразбыванным, несмотря на энергичные старания администрации. Все шайки были малочисленны и очень плохо вооружены.

Арестованные затем участники беспорядков, более 60 человек, представляли жалкий вид, большинство из них — бездомники. С уничтожением этих шаяк и казнью Мумын-бия, снова было восстановлено общее спокойствие в области, и население снова имело возможность свободно обратиться к своим мирным занятиям, хотя почти ежегодно и обыкновенно осенью, когда население начинает сбывать свои сельскохозяйственные продукты, происходят частые нападения с целью грабежа на возвращающихся с базаров, но, собственно, шаяк с 1885 г. до 1891 г. не появлялось. В августе же 1891 г. обнаружилась шайка в песках, на проселочной дороге, между Маргеланом и Наманганом, наткнувшись на проезжавшего в крытой арбе землемера Мокосева, после сделанного которым выстрела из револьвера удалась. Шайка была человек в 30. От посланной сотни казаков, при начальнике Маргеланского уезда, шайка разбежалась. Из произведенного следствия, под наблюдением областного прокурора, никаких политических целей, кроме грабительских, в этой шайке не усматривалось, и захваченные участники ее были преданы обыкновенному суду.

Во всех случаях появления шаяк в области населения тех местностей, из среды которого они набирались и где формировались, ни разу

¹ Абдурахман хан — эмир Афганистана.

никакой ответственности не подвергалось. Только в 1893 г., вследствие возникших беспорядков в том же Андижанском уезде, в Кокан-Кишлакской волости при выборах волостного управителя, кандидатами на должность которого были произведены подкупы избирателей, — была поставлена на месяц в Кокан-Кишлаке рота пехоты на полном довольствии этого селения.

Такая мера рекомендуется и законом при допускаемых населением беспорядках.

Хотя мирное оседлое население всегда относится не только несочувственно, но и с крайней тревогой к начинающимся беспорядкам и волнениям, тем не менее из боязни мести главарей шаек оно упорно молчит, несмотря на то, что знает о готовящихся затаях. Главное же и туземные должностные лица, из такой же боязни, не доносят по начальству о появлении шаек. Оправдание в этих случаях с их стороны всегда одно и то же: или боязнь злоумышленников, или полное неведение о случившемся. Между тем невозможно допустить, чтобы не только то население, из среды которого составляется шайка, но и ближайшее, не знало о том, что у них делается, а тем более должностные лица, обязанные следить и блюсти порядок. Поэтому, казалось бы, что в подобных случаях и подлежащее население, и туземная полиция должны быть поставлены между двух огней: выбирать или мстить злоумышленников, от которой они могут быть ограждены администрацией, или, в случае молчания, строгое наказание правительства, как соучастников беспорядков.

Обращаясь к беспримерному в Туркестане случаю, имевшему место 19 сего мая в Ферганской области. Из телеграммы генерал-лейтенанта Королькова видно, что вечером 17 мая ишан Магомет-Али-хальфа объявил газават и с шайкой в 1 000 человек направился в Андижан, перерезав телеграфные проволоки, а 18 числа на рассвете внезапно напал на андижанский лагерь. Из тех же телеграмм усматривается, что шайка была собрана в кишлаке Минь-тюбе, Минь-тюбинской волости Маргеланского уезда. Кишлак этот, как мне известно, находится верстах в 45 от Нового Маргелана, на таком же расстоянии от города Оша и верстах в 20 от Ассак, места квартирования участкового пристава Маргеланского уезда, а от Андижана верстах в 35.

Все это такие расстояния, которые любой туземец на порядочной лошади пролетит до дальних пунктов часа в три, а до Ассак и в час-время. Шайка в 1 000 человек не могла быть набрана исключительно из жителей одного только Минь-тюбе, а, вероятно, и из окрестных селений, вернее же большая часть ее состояла из кишлаков Андижанского уезда. Точно также нельзя допустить, чтобы она состояла из одних только мюридов ишана и притом только минь-тюбинских. Во всяком случае этот сброд, лишенный известной дисциплины, не мог с разных сторон собраться в Минь-тюбе одновременно к вечеру 17 мая, а подтягивался партией постепенно и, следовательно, не мог пройти незамеченным ни для волостного управления, ни тем более для минь-тюбинского и окрестного населения, и для того, чтобы до вечера дать знать об этом собрании даже во все вышеуказанные пункты, времени могло быть вполне достаточно. Если же предположить, что волостной управитель и все сельские старшины волости, как не принимавшие участия в шайке, были заблаговременно ишаном арестованы, многочисленные их родственники и опять то же население, непричастное к делу, обязаны были донести о случившемся.

Следствие и суд, конечно, выяснят виновность всех прикосновенных к делу лиц, а в том числе волостного управителя и сельских старшин, но, вместе с тем, и население, хотя бы и не принимавшее уча-

стия в составлении шайки, но несомненно все знавшие, должно быть подвергнуто наказанию. Например, взимание с него всех расходов, вызванных настоящим случаем, а равно и отнесение на его счет пенсии семействам убитых нижних чинов и раненым, — представляется в высшей степени мерой справедливой, как в отношении виновного населения, так и пострадавших. В свою очередь, было бы крайне полезно, в видах скорейшего водворения порядка и для наказания виновных кишлаков, поставить в них временно казачьи команды на полном довольствии их жителей. Необходимо так или иначе приучать население, чтобы оно само заботилось о сохранении порядка и собственного спокойствия и без всяких колебаний всегда стояло на стороне закона.

Ген.-майор Медицинский.

Телеграмма туркестанского ген.-губ. ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 7 июня 1898 г., № 513 ¹.

Генерал-майор Чайковский ² телеграммой от 7 июня доносит, что им посещены Ош, Наманган, Андижан, Чуст и Коканд. На основании личных наблюдений и заявлений начальников генерал Чайковский сообщает о спокойствии населения, занятого торговлей и обработкой полей. В наиболее же удаленной и глухой части Андижанского уезда, в Сусамырской волости, появилась шайка Шадыбек-хальфа, объявившего газават. Полковник Калаур, находящийся на Биштанском проходе, доносит, что к Шадыбеку пристало около ста человек, преимущественно дуванов. Для истребления этой шайки со стороны Ферганы приняты меры. Мною же предложено полковнику Калауру воспользоваться частью аулчатынского гарнизона, а генерала Иванова ³ я просил выслать команды от Нарына и Пиньпека. Сейчас Иванов сообщил мне сделанные свои распоряжения.

Ген.-лейт. Духовской.

Представление ген.-лейт. Куропаткина в комитет министров, 26 июня 1898 г. ⁴

Генерал-лейтенант Корольков представлением от 31 прошлого мая за № 53 ⁵ сообщает, на основании данных, собранных производным им, по высочайшему повелению, расследованием об изменническом нападении сконница туземцев на гарнизон г. Андижана, что нападение это имело целью ниспровержение русского владычества в крае и что заговор не был ограничен лишь пределами Минь-тюбинской и смежных волостей Маргеланского уезда, а имел гораздо большее распространение. Обращают на себя внимание и участвовавшие за последние годы разбойные нападения со стороны как отдельных туземцев, так и целыми их шайками с целью отнятия имущества, что, указывая на необходимость принятия более активных мер к прекращению преступной деятельности, вызывало предание военному суду, для суждения по законам военного времени в нескольких отдельных случаях.

¹ ЦВИА, д. № 55, ч. II, лл. 111—112.

² Ген.-майор Чайковский — с 4 июня 1895 г. по 20 мая 1901 г. военный губернатор и командующий войсками Ферганской области.

³ Ген. Г. Иванов — военный губернатор и командующий войсками Семиреченской области.

⁴ ЦВИА, д. № 55, ч. II, лл. 159—160.

⁵ Этот документ имеется в д. № 55, ч. II, лл. 151—152.

Изложенные обстоятельства показывают, что туземное население весьма слабо оценило мягкое отношение к себе русского правительства, сравнявшего в правах покоренные народы края со своими коренными подданными, и что вышеупомянутые чрезвычайные обстоятельства требуют принятия и исключительных мер для подавления сил, вредных для государства и общества.

Независимо от этого, вслед за первыми же известиями о нападении шайки туземцев на гарнизон г. Андижана, отчасти, под влиянием неразумной паники, а частью и с злоумышленными целями, многими жителями края, как русскими, так и туземными, стали распространяться слухи о новых нападениях туземцев на русских, либо о преступных покушениях их на пути сообщения и т. п., каковые слухи, хотя и оказывались в большинстве ложными, тем не менее не только возбуждали напрасную тревогу среди русского населения края, но и зловредно волновали умы туземного населения.

В виду того, что Самаркандская область, не состоявшая до сего времени на положении усиленной охраны, как Ферганская и три южных уезда Сыр-Дарьинской области, географически и этнографически примыкает с одной стороны к ним, а с другой к Бухарскому ханству, где были уже в последнее время проявления мусульманского фанатизма, генерал-лейтенантом Корольковым признано было необходимым, в предупреждение возможного распространения противуправительственного движения в областях края, а также для прекращения разбоев и волнующих умы ложных слухов и для единства управления Самаркандской областью с прилегающими к ней другими местностями Туркестана, объявить эту область на положении усиленной охраны, о чем и выражено им в приказе 30 мая за № 87, а приказом за № 88 издано для всех местностей края, в положении усиленной охраны находящихся, обязательное постановление.

Докладывая изложенное на мое утверждение, генерал-лейтенант Корольков испрашивает, кроме того, разрешения: 1) продлить положение усиленной охраны в Ферганской области и уездах Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском Сыр-Дарьинской области еще на один год, и 2) увеличить пределы власти уездной администрации для быстрого воздействия на лиц, нарушающих общественный порядок и постановления властей, до права ареста до одного месяца и взыскания денежного штрафа до 150 рублей начальниками уездов, и ареста до 2 недель и штрафа до 50 рублей их помощниками и участковыми приставами.

Вместе с тем, телеграммой от 18 сего июня, № 206,¹ вступивший ныне в управление Туркестанским краем генерал-лейтенант Духовской ходатайствует со своей стороны о продлении действия усиленной охраны в г. Ташкенте, в Ферганской и 3 уездах Сыр-Дарьинской области, просит разрешения отсрочить до более удобного времени выборы должностных лиц туземной администрации во всех местностях, объявленных ныне на положении усиленной охраны.

Мнение. Представляя комитету министров, в дополнение к представлению моему от 8 июня 1898 года, за № 296559,² объяснение исполнявшего должность туркестанского генерал-губернатора ген.-лейт. Королькова о причинах объявления Самаркандской области на положении усиленной охраны и ходатайства его: 1) о продлении срока сего положения для Ферганы и уездов Сыр-Дарьинской области и 2) об

¹ Телеграмма находится в д. № 85, ч. II, л. 165.

² Указанное представление, частично совпадающее с печатаемым, находится в д. № 85, ч. II, лл. 6—8.

увеличении власти уездной администрации, а также, представляя приведенные выше ходатайства ген.-лейт. Духовского, я полагаю бы:

1. Продлить еще на один год, до 10 сентября 1899 г., действие усиленной охраны в г. Ташкенте, в Ферганской области и в Ташкентском, Чимкентском и Аулиеатинском уездах Сыр-Дарьинской области и на тот же срок сохранить действие усиленной охраны в Самаркандской области.

2. В местностях, находящихся на положении усиленной охраны, предоставить, по усмотрению туркестанского генерал-губернатора, начальникам уездов в отношении туземного населения прав ареста до одного месяца или наложения штрафа до 30 рублей, а помощникам начальников сих уездов и участковым приставам прав ареста до 2 недель или наложения штрафа до 10 рублей в отношении того же населения.

3. Предоставить туркестанскому генерал-губернатору право отсрочки, по его усмотрению, выборов лиц туземной администрации во всех местностях, находящихся на положении усиленной охраны.

Имею честь представить о сем на благоусмотрение и разрешение комитета министров.

Управляющий военным министерством, ген.-лейт. Куропаткин.

Сводка сведений о Андижанском восстании, 26 июня 1898 г.¹

Охотничьи команды обходят самые недоступные, дикие места северной части Андижанского уезда и вдоль границы Семиреченской области.

По расследованию, произведенному генерал-майором Чайковским, в указанной местности ни рассеявшихся участников шайки ишана, ни сборищ, как о том было известно по слухам из Семиречья, нигде не оказалось. Пристав Агабеков заканчивает расследование в дальних левых Кенколь-Караньирской волости. Пристав Домбровский, с тремя охотничьими командами, находится в верховьях Кучарта.

В Сусамыре все спокойно и задержанные там 28 человек, вместе с Шадыбеком, которому более семидесяти лет, доставлены в Наманган. У жителей сего последнего города Тюря-хана найдено воззвание минь-тюбинского ишана к Шадыбеку. Неблагоприятных известий из Ферганы не поступало. Вся пограничная с Пржевальским уездом горная полоса тщательно осмотрена. Спокойствие восстановлено и население приступило к своим обычным занятиям. Виновники последних беспорядков, вместе с волостными управителями и народным судьей, арестованы. Произведенное дознание, а также лазутчики не обнаружили в указанной местности присутствия соучастников ишана. Дознание о предполагавшихся беспорядках в горной части Кургатской волости закончено. Арестовано 53 киргиза, в том числе волостной управитель, его помощник и народный судья. Из 53 арестованных — 39 доставлены самим населением.

Сотня казаков в составе 2 офицеров и 84 нижних чинов, направленная командующим войсками Семиреченской области в Большой Токмак, должна была прибыть туда 9 сего июня. Сотня обеспечена шестидневным запасом сухарей, кроме десятидневного, заготовленного в пишпекской местной команде, и на три дня фуражем. Боевых патронов выдано по 60 на казака. На расходы отпущено авансом 2500 рублей. Сотня будет действовать по указанию гражданской администрации.

Ген.-майор Путята.

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. II, л. 173. На документе помета: «Доложено его величеству, — 27 июня 1898 года. Ген.-лейт. Куропаткин».

Письмо командующего войсками Туркестанского округа ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 26 июня 1898 г., № 532¹.

Алексей Николаевич,

При задержании 19 мая минь-тюбинского ишана Могамед Али² был задержан и его спутник Арабаев³ с принадлежащим ишану кораном, в коем был найден персидско-арабский документ с золотыми украшениями и золотым вензелем.

Представляя, по моему поручению, перевод сего документа, директор Ташкентской мужской гимназии статский советник Остроумов, доносит, что в этом документе после обыкновенного для мусульманских сочинений начала излагается преемственная связь названного ишана с основателем ислама Могамедом и современным турецким султаном Абдул-Гамидом, вензель которого изображен в верхней части документа, а в заключении выражено безличное увещание привести с искренним сердцем и совершенною преданностью в исполнение предание Могамеда, чтобы таким образом оправдать в действительности учение Тариката⁴, составляющего руководительный кодекс ишанов.

Таким образом, названный документ доказывает что Могамед Али минь-тюбинский есть истинный ишан и что этот документ имеет если не прямое, то косвенное отношение к современному турецкому султану. Тот факт, что документ написан на местной бумаге и почерком туркестанским, статский советник Остроумов предположительно объяснил тем, что в Стамбуле есть постоянные выходцы из Туркестана, при помощи которых пишутся подобные документы на бумаге туркестанского издательства и почерком туркестанским. Вопрос же о происхождении упомянутого документа может быть выяснен через российского императорского посланника в Константинополе. Печать, приложенная к документу указывает на кашгарского жителя Могамед Зияуддина, что может быть расследовано при помощи российского императорского консула в Кашгаре.

Признавая глубокую важность высказанного мнения, но не имея возможности произвести проверку оного, я представляю при сем найденный в коране минь-тюбинского ишана персидско-арабский документ с переводом его и прошу, не признано ли будет возможным произвести компетентными лицами оценку сего документа с формальной стороны теперь же, не ожидая моего подробного заключения о ферганских беспорядках, и о последующем почтить меня уведомлением.

Духовской.

Из объявления Туркестанского генерал-губернатора⁵.

... 12 июня сего года минь-тибинский ишан Могамед Али Сабыр-оглы и пять главных его приближенных, именно: 1) Мулла-Гаиб-Назар-Артык-оглы, 2) Субханкул-Араббай-оглы, 3) Рустамбек-Сутуб-Алдыбек-оглы, 4) Мирза-Хамдам-Усманбай-оглы и 5) Вабатай-Гайнабай-оглы, казнены чрез повешение, руками местных жителей, в виду всего народа и войск. Зеленое и красное знамена сожжены. Найденные списки заговорщиков и другие бумаги — в руках правосудия.

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. III, лл. 66—67.

² Уже казненного. (Прим. в подлиннике). — Ишан Могамед Али был казнен 12 июня 1898 г.

³ Ныне предан военному суду. (Прим. в подлиннике).

⁴ Учение Тариката — мистическое учение об исканиях пути к истине, распространенное среди мусульманских сектантов-суфиев.

⁵ Напечатано в «Туркестанской туземной газете» № 26 от 6 июля 1898 г.

Телеграмма и. д. нач. гл. штаба ген.-майора Уссаловского туркестанскому ген. губер. Духовскому, 8 июля 1898 г., № 1989¹.

Военный министр приказал выяснить размер убытков, причиненных ферганскими беспорядками казне по каждому ведомству, а также общественным установлениям и отдельным лицам и определить точно район, население которого должно возместить все убытки, при чем не упустить из виду, что семейства убитых и неспособных к труду раненых русских должны быть обеспечены пенсией.

Военный министр полагает необходимым конфисковать в казну имущество казенных и сосланных, а селение Минь-тубе снести с лица земли. Благоволиите сообщить общие соображения по телеграфу, подробности почтой.

Ген.-майор Уссаловский.

Телеграмма генерала-от-кавалерии барона Таубе ген.-лейт. Куропаткину, 9 июля 1898 г., № 309².

Командующим войсками Семипалатинской области сделано распоряжение о распределении 7 000 берданок, имеющихся в верненском складе, и по сорока патронов на выстрел для безвозмездной раздачи наиболее надежным из русского населения. Артиллерийский транспорт формируется; перевозка вызывает расход 1 500 руб. Испрашивает указания, на какой источник следует отнести перевозку.

[Таубе].

Докладная записка начальника Азиатской части главного штаба ген.-майора Путята военному министру Куропаткину, 10 июля 1898 г.³

В числе мер предосторожности, предложенных к исполнению начальством Туркестана и Закаспийской области вследствие ферганских беспорядков, было рекомендовано между прочим: приступить к вооружению бердановскими ружьями, постепенно и осторожно, преданных нам туземцев, русское население городов и служащих на железной дороге.

Вследствие телеграммы генерал-лейтенанта Санникова, за № 3841, в которой упоминалось об угрозе мусульман вырезать русское население деревень Ивановского и Казанско-Богородского, в Омск было телеграфировано, по приказанию вашего превосходительства, что русское население должно быть вооружено берданками. Ныне генерал Таубе доносит, телеграммой за № 309, о сделанном командующим войсками Семипалатинской области распоряжении, о выдаче из верненского склада 7 000 берданок и 40 патронов на каждую, для перевозки которых формируется артиллерийский транспорт, что вызывает непредвиденный расход в 1 500 руб. Генерал Таубе испрашивает указаний, на какой источник следует отнести перевозку.

Принимая во внимание, что выдача ружей населению, и притом безвозмездно, делается в интересах самого же населения, казалось бы, что эта мера не должна вызвать новых расходов казны. Так, повидимому, она и была понята в Туркестане и Закаспийской области, от начальников которых не поступало заявлений подобных приведенному. Вместе с тем, число винтовок, которые предполагается выдать населению представляется весьма значительным и, казалось бы, нужным

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. III, л. 45.

² Там же, ч. II, л. 51.

³ Там же, ч. III, л. 57.

сообщить начальству Омского военного округа, что мера эта должна быть приведена в исполнение осторожно и с соблюдением постепенности.

Испрашивается приказание вашего превосходительства.

Ген.-майор Путята¹.

Телеграмма нач. штаба Сибирского военного округа ген.-майора Зарубаева ген.-лейт. Куропаткину, 28 июля 1898 г.²

За отсутствием командующего войсками округа доношу: семиреченский губернатор сегодня телеграфирует, что по полученным им донесениям от местной гражданской власти, которые он однако считает преувеличенными, в Джаркентском уезде на Каркаре обнаружилось волнение. Все заилийские волостные [управители], кроме текесского подписали газават; появилось много оружия, пороха, патронов. Для предупреждения случайностей ген. Иванов командировал сотню 2 Сибирского казачьего полка в распоряжение уездного начальника. Подробности ген. Иванов сообщает почтой, о которых будет донесено.

[Зарубаев].

Из отчета ген.-лейт. Королькова туркестанскому ген. губ. ген.-лейт. Духовскому, 3 августа 1898 г., № 240³.

20 мая мной были получены от военного министра и Вашего превосходительства распоряжения; мне предписывалось отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска; выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно и поведение войск; подвергнуть участников беспорядков полемому суду с предоставлением права конфирмации приговоров; экстренно вызвав из Керки генерал-майора Ионова, поручить ему командование всеми войсками Ферганской области, а ген.-майору Чайковскому — управление этой областью, отстранив ген.-лейт. Повало-Швейковского от должности; сменить уездного начальника; удалить от должности асакинского участкового пристава капитана Еникеева, и вообще принять меры для решительного подавления фанатического движения.

Вследствие сего я немедленно снесся с начальником работ по постройке Самарканд-Андижанской железной дороги, прося его сделать распоряжение о скорейшем изготовлении для меня поезда и образовав, в виду предстоявшего отъезда из Ташкента и свойства возложенного на меня поручения, путевую канцелярию... и предложил военному прокурору Туркестанского военно-окружного суда ген.-майору Долинскому и военному следователю по особо важным делам полковнику Некрасову отправиться вместе со мной в Ферганскую область.

¹ На подлиннике имеется резолюция: «Кем и на основании каких данных было рекомендовано вооружить туземцев. Не следует этого делать. Можно разрешить только отдельным личностям из должностных лиц, по особым билетам».

Массовое вооружение русского населения тоже опасно. Необходимо просить ограничиться первоначально 3000 ружьями. Установить строгий порядок пользования ими и хранения их и сделать представление об исполнении сего и получении второй партии ружей. Потребную сумму необходимо отпустить по арт. смете. Куропаткин, 13 июля».

В д. № 85, ч. III, лл. 59—61 имеется секретное донесение от 15 июля 1898 г., где ген.-майор Путята указывает, что необходимо выдать 3000 ружей наиболее надежному русскому населению.

² ПВИА, д. № 85, ч. III, л. 98.

³ ПВИА, д. № 97—382, лл. 281—287.

По приезде в 1 ч. дня 23 мая в Андижан я немедленно командировал военного прокурора и следователя для осмотра содержащихся под арестом в крепости виновника мятежа ишана Могамед-Али и других арестованных, которых было 80 человек, а сам, выслушав доклады воинского и уездного начальников, а затем прокурора и следователя, установил к вечеру этого же дня новый караульный наряд и отдал распоряжения на случай тревоги, новых случайностей и беспорядков, а также для широкого в последующие дни освещения окрестностей Андижана. Военному прокурору мной было предложено начать с следующего же дня, под личным его наблюдением, производство следствия. Наиболее утомительная и неблагодарная работа выпала на долю военного следователя, так как ему приходилось допрашивать обвиняемых и свидетелей чрез переводчика, что при общем запырительстве и лживости показаний, являлось делом весьма трудным и медленным. Были случаи, что допрос одного лица продолжался по нескольку часов и давал в результате все-таки весьма немного. Озабоченный необходимостью произвести возможно скорее суд, хотя бы только над главными виновниками, я, лично и чрез военного прокурора, следил за производством следствия и должен засвидетельствовать, что оно велось неутомимо и вполне добросовестно. Только благодаря этому, явилась возможность установить к 4 июня степень виновности шести главных преступников и вызвать к этому времени в Андижан полковой суд. Заключение прокурора об этой первой группе виновников беспорядков было закончено 7 июня и доставлено мной вашему высокопревосходительству в Ташкент...¹

Доложив вышеизложенное, почитаю возможным перейти к изложению добытых производившимся мной расследованием данных об обстоятельствах мятежа, поднятого ишаном Могамед-Али.

Личность ишана. Ишан Могамед-Али-хальфа мулла Сабыр-Суфиев был человек среднего роста, хорошо развитый физически, несколько бледный, с выразительными вдумчивыми черными глазами. По его словам, ему было 45 лет, но на вид он казался моложе. Прежде его были родом из Кашгара, сам же он родился в кишлаке Минь-тубе, Маргеланского уезда, где постоянно и проживал. Одиннадцать лет тому назад он совершил хадж в Мекку, после чего его влияние на народ стало особенно прочным, хотя и до того, судя по некоторым сведениям, было велико и началось уже давно. Недалеко от кишлака Минь-тубе жители указывают в пустынной местности на небольшой горке близ проезжей дороги на дерево, посаженное и выращенное ишаном Мадали (сокращенное Могамед-Али) для приюта путников в знойное время. Сюда в течение нескольких лет ишан носил издалека ведрами воду, поил ею страждущих от жажды и поливал дерево, давшее по мере роста все больше и больше благодетельной тени, в которой путешественники находили отрядный отдых. Повидимому, с этого и началась известность ишана, создавшая ему славу в начале благочестивого, а потом и святого человека. По мере возрастания этой славы, росло и благосостояние ишана, которое, путем добротных приношений его почитателей, стало давно уже настолько значительным, что он мог принимать у себя и кормить массу народа, как постоянно у него жившего, так и временно его посещавшего. Число тех и других доходило иногда до тысячи, а ежедневно собиралось по нескольку сот человек. В обширной усадьбе ишана находились громадные котлы для варки пищи, вместительность которых вполне соответствовала указанному числу посетителей.

¹ Далее опускается изложение мероприятий военных и административных общего порядка, проведенных Корольковым, а также перечисление местной администрации, чинившей ему содействие при выполнении его задания.

При ишане постоянно было до 30 суфиев¹, 40 шакирдов² и несколько человек, давших различные обеты, повиному, нечто в роде аскетов. Приближенные люди и ученики своими рассказами о святости ишана привлекали к нему народ, среди которого твердо держалась вера в творимые им чудеса; так, например, говорили, что он варит плов без огня. Как люди делались приверженцами ишана, можно видеть из показания одного киргиза, данного на следствии. Он показал, что три года тому назад, наслышавшись о святости и чудесах ишана, пошел вместе с несколькими знакомыми киргизами в Минь-тюбе и «подал руку» (вступил в число учеников) ишану, причем внес в его пользу пять тиллей³, а от него получил черную тюбетейку и благословение. После того киргиз этот стал бывать у ишана каждый год раза по два, по три и оставался дней по шести, а, наконец, окончательно поселился в его усадьбе.

Значение ишана было настолько велико, что он три года тому назад начал назначать в ближайшие к Минь-тюбе местности рансов. Эти воскрешенные им цензоры нравов были вооружены, как и в ханские времена, плетями и били ими народ за неисполнение требований шариата. Таким образом рядом с нашей властью жили и действовали ставленники ишана. Насколько вообще он пользовался уважением и доверием населения можно судить по документу, найденному в его мечети и скрепленному печатями: одного народного судьи, кандидата его, двух волостных управителей, семи сельских старшин и трех влиятельных жителей Кулинской волости. Документ этот, свидетельствуя в начале о падении народной нравственности, в конце гласит: «В виду вышеизложенных обстоятельств, мы, нижеприложившие печати, для направления всех на путь истинный, для разъяснения и расторкования повеления божьего каждому и всем, назначаем ишана Могамед-Али-хальфа муллу Сабыр-Суфиева, с тем, чтобы с лицами, кто не послушается его, он пусть с ними поступит по шариату, т. е. прикажет ли ему шариат сечь или заключить куда-либо или еще что-либо другое. Свое уполномочие он (ишан) может передать и другим лицам. Пусть все веруют в бога и его пророка. 1312 г., месяц суфар».

Заговор. По показанию самого ишана Мадали, его постоянно беспокоила сильная порча нравов в народе. Хотя это замечалось и в последние времена Кокандского ханства, что по его, ишана, мнению и повело к падению этого ханства, но по завоевании края русскими дело пошло гораздо хуже. Порча нравов выразилась в развитии разврата, пьянства и азартных игр, в ослаблении семейных начал и вообще в разнообразных отступлениях от требований шариата. Русская власть, хотя и обращалась с народом мягко, но в то же время отменила зыкетный сбор⁴ лишила доходов вакуфные⁵ учреждения и запретила паломничество в Мекку, не обращая при этом внимания на упадок народной нравственности. Замечая все это он, ишан, описал такое грустное положение вещей турецкому султану, причем, будто бы, просил его ходатайствовать пред нашим государем о принятии мер к восстановлению жизни по шариату, «опасаясь, чтобы уклонения от шариата не вызвали гнева божия на русские власти». Достоин внимания это

¹ Суфии — последователи мистического течения в исламе, суфизма, распространенного во всех мусульманских странах, но особенно в Иране и в Средней Азии. Суфизм учил аскетическому отречению от материального мира, отшельничеству и мистическому познанию божественной истины.

² Шакирд — искаженное: «шагерд» — по-персидски и по-таджикски — ученик.

³ Тилля — денежная единица в Хивинском, Бухарском и Кокандском ханствах.

⁴ Зыкет — религиозный налог, налагаемый мусульманским законом на землю, скот, продукты ремесла и пр.

⁵ Вакуф — недвижимое имущество, составлявшее собственность мечетей, священных мавзолеев, мусульманских школ и пр. религиозных учреждений.

обращение ишана к повелителю правоверных, сделанное год назад, т. е. тогда именно, когда после побед турок над греками, мусульманство повсеместно подняло голову, оживившись надеждами на торжество ислама. В ответ на это письмо, писанное по неграмотности автора приближенным к нему, ныне умершим, лицом, ишан получил чрез одного якобы кашгарца паломника фирман. Фирман этот [был] найден 21 мая в коране ишана у Субханкула Арабаева (близкий к ишану человек) при обыске после поимки; гласил следующее...¹

Одновременно с письмом кашгарец вручил ишану присланный ему султаном с своего плеча старый халат. Ишан твердо верил, что грамота и халат действительно присланы ему от султана, и получение этих священных подарков и полномочий от самого халифа должны были сильно поднять фанатика ишана Мадали в его собственных глазах и действовать на его экзальтированную натуру. Весма вероятно, что он после этого счел себя призванным спасти народ и с этой целью, прежде всего, освободить его от русского владычества.

Фирман султана был получен ишаном, по его словам, за месяц до уразы², т. е. приблизительно в конце января, или начале февраля, а в середине этого последнего месяца в Коканде появились подметные письма к богатым жителям, чтобы они приготовили зыкет за 15 последних лет, дабы люди «сахиби-хуруджа» (вновь воцарившегося), в случае газавата, могли иметь эти деньги, причем оповещалось, что священная война начнется, когда число людей «вновь воцарившегося» достигнет тысячи человек. Возникшее об этих подметных письмах дело было сочтено за шантаж частного характера и направлено к прекращению, но мной даны надлежащие указания на необходимость переследовать дело, путем негласного полицейского дознания, для дальнейшего направления, согласно с результатами этого дознания.

Вышеупомянутый киргиз, по имени Курман-бай Умарбаев показал, что в нынешнем году он был у ишана в начале уразы³, явившись на пестой ее день, и пробыл пять суток.

Находившиеся тогда у ишана люди собирались после молений по сакиям и говорили между собой о том, что пришло время начинать газават, нужно только подождать, когда поправятся лошади. Сам ишан редко принимал участие в совещаниях, а между посетителями больше ходили его приближенные. В числе этих людей находился Мулла Зияуддин, казначей и главнейший, как выяснено следствием, приближенный ишана.

В курбан-байрам (в апреле) у ишана на намазе было так много народа, что многие, не найдя места в мечети и во дворе, молились на улице. В конце апреля ишан назначил Умарбаева своим хальфой, присоединил его к киргизу одной с ним волости, Курбанкулу Саттарову, и дал последнему сто девяносто чакру-хат⁴ за его, ишана, малой печатью. В вызовах этих, которые Умарбаев и Саттаров развезли более, чем ста лицам в киргизских волостях между Нарыном и Кара-Дарьей, заключалось распоряжение собраться всем близ Минь-тюбе. Другой обвиняемый, тоже киргиз, по имени Маат-Муса, показал, что

¹ Здесь опускается перевод Фирмана, о его содержании см. письмо Духовского Куропаткину от 26 июня 1898 г., стр. 142.

² Ураза — мусульманский пост в месяце Рамазан. Пост продолжается целый месяц, причем постятся только днем. С вечера пост прекращается и наступает праздник и веселье, нередко продолжающееся всю ночь.

³ В конце показания Умарбаев внес поправку в том смысле, что в действительности он весь последний год жил у ишана, так как жена его, Умарбаева, умерла, а дочь, не дождавшись выплаты калыма, бежала к жениху и дома у него никого не осталось. (Прим. в подлиннике).

⁴ Чакру-хат — пригласительные письма. (Прим. в подлиннике).

незадолго до нападения на андижанский лагерь, к ишану приезжали некоторые должностные лица туземной администрации (названы им по именам или приметам) и приложили свои печати к воззванию ишана.

Воззвание это, или вернее клятвенное обещание, найденное в коране вышеупомянутого Зияуддина, читавшего эту священную книгу мусульман во время нападения на андижанский лагерь 18 мая, имеет четырнадцать печатей (из них две парных, принадлежащих лицам, которые названы показателем¹)... Договор этот гласит следующее: «Бог создал из ничего 18 тысяч миров, в которых дал человеку совершенный образ, возвысив его над остальными существами и отца нашего Адама короновал халифом. Весь мир создал для нашего пророка, сделал его к себе более близким и, посадив его на почетный трон, бог обратился к нему, говоря: «О, пророк. Да будет война с не-мусульманами и отступниками от веры», за что обещал рай, если будут верными и приближенными его рабами. Четыре преемника пророка, давая наставление народу, сказали: «Кто пожертвует для бога и пророка своим имуществом и жизнью ради газавата, тот будет подобен нам», для удержания недостойных людей написали книгу и послали для памяти. Следовательно, теперь нам нужно и обязательно, как признающим себя рабами бога и последователями пророка, объявить газават. Во-первых, для бога и пророка мы должны быть победителями на священной войне, и, во-вторых, пожертвовать жизнью в священной войне. Мы, нижеприложившие печати, дав обещание богу и пророку, и имея среди себя коран, совершили договор с халифом своим. После этого, если по наущению шайтана из себялюбия или из опасения за свою жизнь мы, оробев, откажемся и не исполним нашего обещания, да будем мы достойны ада, да почеркнут в обоих мирах наши лица, да будем в день страшного суда посрамлены и опозорены. В удостоверение чего приложили печати».

К этому клятвенному обещанию, как выше упомянуто, приложили свои печати лишь двенадцать человек, людей более или менее влиятельных. Очевидно, из среды последних не нашлось больше этого числа охотников подвергаться опасности, — не нашлось, впрочем, не потому, что не было сочувствия идеям ишана, а вследствие того, что люди наиболее развитые и сведущие, конечно, сознавали несообразность слабых средств ишана с нашей силой. Простой же народ, мало или вовсе непонимавший действительного состояния сил обеих сторон, больше всего верил в святость ишана, в его призвание и в его чудодейственную силу и потому в большинстве слепо шел за ним. О том, как народная масса собиралась на газават, можно судить по показанию вышеупомянувшегося Маат-Мусы, — показанию весьма правдивому, но, к сожалению, почти единственному со стороны мятежников по своей чистосердечности, и то, впрочем, неполной, ибо показатель, свободно и подробно говоря о действиях других, заметно стремился выгородить себя. Маат-Муса свидетельствует, что за неделю до нападения на андижанский лагерь, раисы стали гнать из его кишлака Медрессе (Ичкиликской волости, Маргеланского уезда) народ к ишану и привели туда человек сто...

¹ Есть впрочем веское указание, что начало составления договора восходит к более раннему времени, а именно Алимбек-Датка, старик 62 лет, бывший в ханские времена генералом, а при русском владычестве волостным управителем, показал, что он приложил свою печать к договору на третий день праздника Курбан-ханта (19 апреля). При передопросе Маат-Мусы следователем, также выяснилось, что договор составлялся ранее, чем за неделю до нападения на лагерь. (Прим. в подлиннике).

В ночь на 14 мая у ишана в Минь-тубе состоялось совещание, в котором участвовали лица из разных уездов области и, между прочим, Умарбек-Датка (из Омского уезда). На этом совещании ишан объявил, что он получил благословение божие изгнать русских, после чего было решено напасть одновременно на города: Андижан — под начальством самого ишана и на Ош — под командой Умарбека-Датки. Раздав затем халаты, ишан поручил раису Махмуд-Дивана Токаеву передать всем его, ишана, последователям в Наукате, чтобы они слушались Умарбека. После того 16 мая у ишана собрана была сходка в 1 000 человек, в числе которых находился Кургатский волостной управитель, а также некоторые сообщники самозванца Пулат-Хана (1876 г.), и в их числе казначей последнего Атакул-Пансат. Бывшие на этой сходке слышали, что в ханы предназначался племянник ишана Абдул-Азис, 14-летний мальчик.

В последние дни ишан несколько раз, по мере того, как собирался народ из разных мест, объявлял в мечети, что влиятельные люди уже дали ему клятву и приложили печати к договору участвовать в газавате и что народ должен слушаться и идти за ним, куда он прикажет, причем прибавлял, что сбор назначается на воскресенье вечером у Замбер-бия, что на холмах под Андижаном. Выслушав этот наказ, будущие участники восстания уезжали домой и лишь весьма немногие оставались у ишана.

Движение к Андижану. Настал день 17 мая. По рассказу Маат-Мусы, вечером часов в 8, по кишлаку Таджик внезапно раздался возглас: «газават», и ишан выступил по дороге в Андижан с толпой человек в 200, вооруженных палками и батиками, выслав вперед особый отряд киргизов под начальством Мулла-Ахмеда, с приказанием перерезать телеграфную проволоку, что, как известно, и было исполнено. Маат-Муса говорили, что эти киргизы зарезали также какого-то джигита¹.

Отряд ишана двигался вперед верхом на лошадях. Он делился на две части, шедших каждая под своим значком (байрак). Первым байраком начальствовал Мулла-Зияуддин-Максум, ближайший, как упомянуто, помощник ишана и, по имеющимся данным, душа заговора; под чьей командой находился другой байрак, Маат-Муса не знал.

В толпе было много мальчиков и все суфии (старшие ученики ишана), которые с выступлением украсили свои головные уборы мисвяками (палочками в виде зубочисток), данными им ишаном, в виде амулетов, спасающих от смерти.

Сам ишан ехал верхом, окруженный пешими диванами; он был в зеленом халате и белой чалме; сзади его несли белый значок.

Из кишлака Таджик мятежники двинулись на большой кишлак Кутчи, где к ним присоединилось еще человек двести, а затем пошли через Кара-Курган и Охчи, где ишан совершил намаз, причем все слезли с лошадей и далее двинулись на Кулю. Здесь навстречу ишану выехал волостной управитель Гайб-Назар, держа в руках голову русского человека², и, доложив, что это дело его рук, поднес голову ишану. Тот похвалил его («хон-булды» — очень хорошо), но не взял этого трофея. Гайб-Назар, прорезав уши, приторочил голову к своему седлу. В этом кишлаке ишан приказал доставить ему голову казая Мулла-

¹ Очевидно, джигита Абдуллу, посланного асакским участковым приставом, капитаном Еникеевым, к андижанскому уезду. нач-ку подполк. Коппенскому, с извещением о замысле ишана (Прим. в подлиннике).

² Мещанина Бычкова, нанятого Гайб-Назаром накануне мисры (испом) к себе (Прим. в подлиннике).

Юлдаш Мулла Халметова и сам подъехал к дому последнего. Казий этот, получивший, как есть основание полагать, в свое время неприятное им предложение вступить в соглашение с ишаном, успел скрыться, но дом его был разграблен и прислуга избита. Гаиб-Назар в это время разъезжал по кишлаку с обнаженной пашкой и сгонял народ.

Здесь, в Куле, как равно раньше в Кара-Кургане и Охчи, отряд ишана увеличился местными жителями, но число их за темнотою определить даже приблизительно было трудно и сообщенные Маат-Мусой цифры (20, 60 и 50) гадательны. За Кулей Маат-Муса и человек 30 других всадников совершили намаз и потому отстали. Их скоро нагнал Мулла-Султан, сказавший, что он пригнал несколько человек к отряду и что надо спешить за ишаном, навстречу которому вышло 150 человек андижанцев, высланных из Андижана богатым купцом Алибай-байбаев¹.

Когда Маат-Муса и его товарищи догнали ишана, андижанцы уже сплелись с остальным отрядом; ими распоряжался Могамед-Зюлюм, бывший прежде прислугой у русских, но в последнее время перебравшийся на жительство к ишану.

Перед въездом в Андижан ишан, совершив намаз на адырах (холмах) в городском предместьи, отправил трех джигитов проскакать по нижним улицам туземного города с криком: «газават». Городские караульщики безмолвно пропустили отряд ишана; впрочем, один из них найден убитым, вероятно, за попытку поднять тревогу. Общую численность отряда ишана Маат-Муса определяет в 1000 человек конных и столько же пеших, среди которых было много, по его словам, мальчиков. Это число (2 тыс.) составляло пять байраков, но у ишана было, как говорили Маат-Муса рансы, еще три байрака, назначенных для нападения на Ош и Маргелан².

Нападение на лагерь. К юго-восточному углу туземного Андижана, занимающего площадь в 2863 десятины и насчитывающего 47.069 душ населения, примыкает небольшой русский городок, в котором живет всего 631 человек. Крайний юго-восточный квартал его занимают лагеря андижанского гарнизона, к которым примыкают сплошной полосой кишлаки, тянущиеся вплоть до Ассак на юг и до холмистой полосы адыров на юго-восток. В этой полосе кишлаков, способствовавшей скрытному приближению толпы мятежников, стянувшись пайка ишана пред нападением на лагерь. Узкое пространство, отделявшее лагерь от юго-западной окраины кишлачной полосы, имело ту особенность, что близ самых барачных шагах в 15—20, возвышалась складка местности, закрывавшая от взоров дневальных ближайшие подступы к лагерю, и это обстоятельство, в свою очередь, способствовало внезапности нападения. Неблагоприятное влияние упомянутой кишлачной полосы, почти вплотную подходившей и к крепости, и к лагерю, выразилось еще, с одной стороны, и в том, что артиллерия крепости не могла принять участия в отбитии и преследовании напа-

¹ Отряд андижанцев состоял из 200 человек; из них 150 чел. вышли из города на встречу ишану, а остальные 50 чел. были заблаговременно отправлены к андижанскому лагерю, чтобы следить за ним. (Прим. в подлиннике).

² Путь ишана, по собранным сведениям, шел от кишлака Таджик, составляющего с Капгар-кишлаком Минь-Тюбе (600 дворов), через селения Кутчи (150 домов), Баргак (35), Кара-Курган (от 400 до 500), Охчи (300), Куля (480) и Чек-аулие (казенная оброчная статья в 100 десятин), Маргеланского уезда, а затем по Хакентской волости, Андижанского уезда, чрез Рават (137 дворов), Дархан (284), Сары-Куи (162), Найдык (319), Кунчи (694), Каирму и Шамсутдин-ишан или Дон-кишлак. (Прим. в подлиннике).

давших на лагерь, а, с другой, в том, что она помогла мятежникам быстро и удобно отступить¹.

Поимка ишана и других мятежников. Вслед за отражением нападения андижанская уездная администрация приступила немедленно и весьма искусно к поимке мятежников, в чем ей значительно содействовали должностные лица туземной администрации. Отправленный андижанским уездным начальником, подполковником Коишевским, для захвата ишана Мадали, избаскентский участковый пристав штабс-капитан Агабеков, посадил на лошадей десять человек нижних чинов 20 линейного кадрового батальона и в сопровождении их, а также своих джигитов и двух русских андижанских жителей, пожелавших принять участие в поимке ишана, безостановочно шел по пятам бежавшего виновника мятежа, который, как можно было судить из расспросов попутного населения о проезжавших людях, двигался на северо-восток, к Семиречью.

На другой день к вечеру штабс-капитан Агабеков был уже в горах у селения Чарвак, что приблизительно в 90 верстах от Андижана. Расположившись сам в этом кишлаке, он расставил джигитов по четырем дорогам, ведущим в Чарвак, по два на каждую, при самом въезде в селение. Вскоре на одной из этих дорог появилось четыре всадника, из которых один, заметив джигитов, быстро поскакал назад, а из трех остальных один, оказавшийся потом ишаном Мадали, назвался наманганским ишаном и, получив от джигитов уверение, что они добрые мусульмане, попросил вернуть бежавшего товарища. Тогда один из джигитов, показывая вид, что исполняет эту просьбу, поехал сначала в сторону бежавшего, а затем поскакал за помощью. Когда он с подкреплением вернулся к ишану, то последний хотел стрелять, но джигит, быстро соскочив с лошади, подошел к нему со словами: «благослови, ишан» — и когда тот, чтобы исполнить просимое, взял револьвер под мышку, то был схвачен джигитами вместе с его спутниками и 20 числа штабс-капитаном Агабековым доставлен в Андижан.

23 мая в местности Дунгурама джигитами кутартского волостного управителя был задержан ныне уже казенный Субханкул, один из ближайших помощников ишана Мадали. Он принадлежал к семье Араббаевых (кишлак Кара-Курган), принимавшей большое участие в восстании. У Субханкула при обыске был отобран изящный небольшого формата коран ишана и в нем фирман султана.

Поимки и аресты причастных к делу лиц шли быстро и энергично и как в Андижане, так и в Оше места заключения оказались вскоре переполненными. К 3 июня, дню прекращения производившегося мною расследования², число арестованных было следующее:

1. В Ново-Маргеланской областной тюрьме	70 чел.
2. » сел. Таджики и Ассак, Маргеланского уезда	41 »
3. В Ошской тюрьме	121 »
4. » Андижане	139 »
Итого	371 чел.

3 июня, по указаниям, данным андижанской уездной администрацией, асакиным участковым приставом, штабс-капитаном Бржезиц-

¹ В настоящее время местность пред крепостью и лагерями, по распоряжению моему и под наблюдением офицеров генерального штаба, очищена от садов и построек и в достаточной мере сглажена (Прим. в подлиннике).

² По случаю выезда в Джизак для встречи и доклада вашему высокопревосходительству (Прим. в подлиннике).

ким, розыскал в селении Кизыл-Аяк, Ассакинской волости, и задержан, племянник ишана Мадали, 14-летний мальчик Абдул-Азис. Он был вместе с ишаном во время движения на Андижан и бежал с ним, но затем был оставлен на переправе через Кара-Дарью и с того времени неизвестно где находился. Мальчик этот, по имеющимся сведениям, был предназначен ишаном, в случае успеха восстания, в ханы. Мною было отдано распоряжение о немедленном доставлении Абдулы для допроса и содержания под стражей в Андижан, где он теперь и находится.

В тот же день, 3 июня, от начальника Аулиеатинского уезда мною было получено по телеграфу донесение о появлении в Сусамырской волости, Андижанского уезда, шайки Шадыебака, также поднявшего знамя восстания, и сделаны распоряжения о его поимке.

Как выше доложено, 4 июня я выехал из Андижана для встречи вашего высокопревосходительства в Джизаке, по прибытии в который 5 июня получил приказание обратиться к исполнению прямых своих обязанностей по званию военного губернатора Сыр-Дарьинской области.

Возвратившись в Андижан ночью 6 июня для преподания данных вашим высокопревосходительством указаний генералам Чайковскому, Ионову и Доллискому, я на другой день перед отъездом в Ташкент получил сведение о том, что кугартский волостной управитель участвовал в заговоре ишана Мадали, причем должен был в случае успеха нападения на Андижан сделать нападение на находившихся на подномном корму артиллеристов и казаков.

Несостоявшееся нападение на Ош. Что касается до находящегося в тесной связи с делом ишана происшествия в Ошском уезде, то по сему предмету до 3 июня имелись следующие сведения.

В воскресенье, 17 мая, в 1 ч. дня к ошскому уездному начальнику подполковнику Зайцеву явился на квартиру бывший волостной управитель Карабек Хасанов (племянник Курбан-Датхи) и, через арык-аксакала Ибрагима Чанышева, заявил следующее: «Проживающий в кишлаке Минь-тобе, Маргеланского уезда, ишан Могамед-Али-хальфа для прославления своего имени каждый день кормит массу народа и через раисов старается расширять славу о себе по всем уездам.

Сегодня прошел слух, что в обширном замкнутом дворе ишана был совет о его помощниках (хальфа) и раисами (блудителями веры), на котором постановлено призвать народ к священной войне. Получив эти сведения, подполковник Зайцев приказал старшему аксакалу проверить слухи, а Наукатскому волостному управителю, находившемуся в это время в Оше, немедленно выехать в Кыркальское общество, где проживает наибольшее число приверженцев ишана из киргиз рода Баргы-Атамерек. В 6 ч. пополудни к подполковнику Зайцеву вновь приехал Карабек с Чанышевым и сообщил, что тревога распространяется, говорят про письма, полученные от ишана киргизом Умарбек-Датхой и бывшим волостным управителем Саттыбаем; в то же время бывший серкер¹ Ирис-Менде подтвердил, что все разговоры в чайхане идут о Мадали-хальфе, который превратился во врага русских и будет воевать на чудесной белой лошади, а япалакский киргиз Иш-Могамед-Кувабасов, знакомый Чанышева, передал фамилии некоторых участников из Япалакского общества. В виду этого подполковник Зайцев выехал к начальнику съёмочного отделения военных топографов предупредить его о принятии предосторожностей на местах работ, а затем, вместе с ним к командиру 4 линейного батальона с просьбой выдать

казакам съёмочных партий ружья, а также для справки известно ли ротам, где и какие места следует им занимать в городе в случае тревоги.

В 9 ч. вечера к подполковнику Зайцеву явились старший аксакал Акбуринской волости, старшины Япалакского и Тюлейкентского обществ, и, со слов киргиза Мама-Исаева, заявили, что сообщники ишана собираются в горах Науката на местности Ак-Терек, где готовится боевое знамя.

Решив захватить скопище на месте, подполковник Зайцев с 6 полицейскими и 4 конными стрелками 4 батальона, при офицере охотнике, в 11 ч. вечера выехал к месту беспорядков, причем, по соглашению с воинским начальником, принял меры военной охраны города, о чем и донес по телеграфу военному губернатору. Проездом через Япалак подполковник Зайцев послал местного старшину для охраны партии военного топографа Косценича, а на 18 версте встретил идущего в Ош наукатского волостного управителя, заявившего, что вблизи перевала Чакмак он дал поддержать свою лошадь пятидесятилетнему Кадыркулу, который, отведя ее в сторону, вскочил в седло и, пользуясь темнотою, скрылся. Видя по дороге аулы летовок, в которых не было ни одного мужчины, подполковник Зайцев убедился, что сходка действительно существует.

Пройдя 45 верст, на рассвете 18 мая в глухой долине Ак-Терека он окружил мечеть ишана Мадали, но скопища уже не застал. Здесь были им захвачены иман и человек 20 участников сходки. Приказав разрушить мечеть, служившую местом сбора, подполковник Зайцев выехал обратно в Ош, а волостному управителю, с оставленными при нем 4 вооруженными полицейскими, приказал охранять корпус военных топографов подполковника Парийского, водворить порядок в Кыркальском обществе и арестовать участников сходки, разбежавшихся по летовкам.

Получив в 2 ч. дня 18 мая сведения о бывшем нападении на лагерь в Андижане, подполковник Зайцев в 4 ч. осмотрел улицы и базары туземного города, послал инструкцию самоохраны Покровскому поселку и установил усиленные ночные разъезды.

Вместе с тем подполковник Зайцев приступил к производству дознания. Дознанием этим, между прочим, выяснено, что в воскресенье 17 мая, по письму ишана к Умарбеку, раисы и некоторые более приближенные к ишану диваны, собрали к вечеру до 300 человек киргиз на Ак-Терек, где приготовили бунчук и значок. Огнестрельного оружия у них не было; предполагалось драться, кто чем мог — ножами, битами и палками. Каждый правоверный имел при себе освященную ишаном палочку-зубочистку, игравшую роль предохранителя от смерти. Общим сборным пунктом был назначен Тамчи-Булак, в 12 верстах от Оша. В это место ожидалось: сам Умарбек-Датхи, жители Япалакского общества, Саттыбай ошцами и мелкие партии из разных мест, не успевшие прибыть на Ак-Терек. К полночи на Тамчи-Булаке, во главе с братом Умарбека Мулла-Атабек-Бек Муратовым, пришли жители Кыркмоя и ак-терекцы и, в ожидании подхода япалакцев и других партий, более почетные лица держали совет. В это время прискакал пятидесятник Таш-Ат с известием о выезде подполковника Зайцева. Тогда поднялась тревога и вся толпа с криком: «Алла-акбар» бросилась в разные стороны по ущельям гор, причем некоторые поскакали к ишану с известием, что заговор открыт.

Несостоявшееся нападение на Маргелан. Имеются указания, что предполагалось также произвести нападение и на Новый Маргелан, но сведения, относящиеся до этой части дела, до 3 июня были еще скудны. Насколько можно судить, руководителем

¹ Серкер — сборщик податей в среднеазиатских ханствах.

этого нападения должен был быть старо-маргеланский житель ишан Иноят-хан, который еще до восстания собирал и кормил у себя много народа. По имевшимся до 3 июня данным, в ночь с 17 на 18 мая в условленное время собралось так мало мятежников, что Иноят-хан на нападение не решился; большая часть его шайки разошлась в разные стороны, а сам он пошел на соединение с ишаном, по дороге к которому у селения Кува убил мечанина Дробышева, ехавшего верхом в Маргелан. Иноят-хан, отправившийся с небольшим числом приверженцев, ишана уже не догнал. До 3 июня не имелось следов Иноят-хана, но в этот день из Маргелана получены сведения о месте его убежища в Андижанском уезде, и есть основания надеяться, что он будет розыскан.

Признаки возбуждения мусульманского фанатизма в Туркестанском крае и Бухаре. Указания на влияние из Турции и Афганистана. Таковы в общем свод сведений, которые были добыты производившимся расследованием о мятеже, поднятом минь-тюбинским ишаном Могамед-Али. Следствие, продолжающееся по сие время, раскроет, вероятно, все подробности заговора, причем было бы особенно желательно выяснить степень вредного влияния, шедшего из Турции и Афганистана. Что это влияние существовало, можно заключить из того, что в последнее время в крае часто появлялись турецкие подданные без определенных целей и надлежащих документов, а также присылались из Турции для распространения в народе иллюстрированные константинопольские издания, прославляющие победы турок над греками и поправление христианского креста; наконец, пример поднявшего мятеж ишана показывает, что на него воздействовали из Константинополя, если и не прямо из Иль-диз-киошка¹, то, вероятно, из сфер, близких к нему.

Что глава мусульман, турецкий султан, занят был, после побед своих над греками, мыслями об оживлении, укреплении и утверждении мусульман в идеях ислама, можно судить по тому, что им в минувшем году устанавливались, по сведениям англо-индийских газет, сношения в этом смысле с Афганистаном, причем произошел даже обмен доверенными посланцами. Афганский эмир принял в конце 1896 г. новый титул «блюстителя веры», начал чеканить особую золотую монету для образования фонда на предмет священной войны и издал в Кабуле под своей редакцией две книги о джихате.

Из «сведений», представленных уратюбинским участковым приставом, видно, что осенью прошлого года какие-то афганцы убеждали матчинцев стать на их сторону, в случае войны, а в мае текущего года в Фальгарской волости, Пенджкентского участка, был задержан загадочный афганец, который не мог объяснить цели своего прихода и умышленно путал свою речь. Уже одни эти факты указывают на то, что в Туркестане были турецкие и афганские эмиссары, а дальнейшее расследование в этом отношении дало бы, вероятно, обильные данные, подтверждающие вредную деятельность у нас выходцев из Турции и Афганистана. Деятельности этой мы обязаны, весьма заметным в последнее время, фанатическим возбуждением туземного населения, проявляющимся почти повсеместно в Средней Азии в различных неприязненных действиях в отношении русских людей; так, недавно в Аулие-Ате киргизы завели ссору и нанесли оскорбление действием двум унтер-офицерам без малейшего повода со стороны последних; в Ташкенте замечалось, что туземцы при встрече с русскими стали часто отплевываться, что является выражением пренебрежения, а в Бухаре фанатик убил железнодорожного сторожа и покушался на жизнь

другого русского прямо во имя «тазавата», о чем чистосердечно и заявлял следователю, однако, без внешнего даже выражения раскаяния в содеянном им преступлении. Бухарские власти, в угоду нашему правительству, казнили этого преступника, но дали ему, как показывают частные сведения, возможность сказать с эшафота краткую, но сильно фанатическую речь и прежде, чем подвергнуть его позорному повешению, перерезали ему горло, что, насколько известно, открывает для него, по понятию мусульман, врата Могамедова рая. Таким образом, принудительного в последнее время фанатизма не свободны, повидимому, и некоторые представители правительства дружественной нам Бухары.

Степень виновности причастных к делу лиц. Представив выше очерк действий по умиротворению Ферганской области и расследованию обстоятельств мятежа, поднятого ишаном Могамед-Али, а также свод сведений, добытых производившимся мной с 23 мая по 3 июня включительно расследованием о личности ишана и самом мятеже, перехожу к определению виновности причастных к делу лиц¹.

...7) Вся выборная туземная администрация оказалась вообще далеко ниже своего назначения. Волостные управители явились пассивными, частью активными и даже главными (Кулинский волостной управитель) соучастниками ишана. Из всего состава туземной администрации, без сомнения знавшей о заговоре, донес о нем только один минь-тюбинский волостной управитель и то лишь накануне нападения на лагерь, хотя сам же признался, что ему известно было о заговоре еще 13 мая. Степень виновности большинства отдельных лиц из состава туземной администрации не могла быть окончательно установлена в короткое время моего расследования, но выяснится производившимся следствием.

8) Сверх тех лиц, преступность которых уже установлена следствием, нельзя не признать виновными жителей местностей, составлявших театр беспорядков, так как они без сомнений знали о подготавливавшемся восстании, но не донесли об этом властям, за что военным полевым судом были бы приговорены к смертной казни или к каторжным работам. Такое поголовное осуждение и наказание на практике явилось бы неудобным во многих отношениях. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что смертная казнь главных виновных и отправление на каторжные работы и в ссылку второстепенных преступников с оставлением всех остальных без наказания, едва ли были бы достаточны для предупреждения подобных преступлений в будущем, тем более, что одна только личная ответственность, после первого времени горя в некоторых семьях, оставила бы в населении лишь впечатление, что люди пострадали во имя ислама, за что они, по убеждению единоверцев своих, найдут награду в раю Могамеда и сохраняют по себе славу героев, столь заманчивую для фанатиков мусульманства.

В виду всего этого казалось бы целесообразным к наказаниям, которые будут определены отдельным преступникам по суду, присовокупить еще и следующую меру общего характера: зачислить в собственность казны земли владельцев, по участкам которых проходила мятежная шайка ишана Мадали от кишлака Минь-тюбе (Таджик и Кашгар) до подгородного у города Андижана кишлака Дон, включительно, переселить всех поголовно жителей сих мест на жительство в другие части империи. Переселение это, заменив собой смертную казнь, каторжные работы и ссылку в Сибирь, явилось бы таким образом мерой гуманной и в то же время не оставляющей без наказания жителей тер-

¹ Дворец турецкого султана Абдул-Гамида в Константинополе.

¹ Далее опускается характеристика действий и степени виновности военного губернатора Ферганской области ген.-лейт. Повало-Швейковского и уездных начальников.

ритории, где явно готовилось восстание и проходила вооруженная шайка ишана. Кроме того, мера эта, разрушив насиженные гнезда, переходившие от отцов к детям, и заставив покинуть родину, которая для всех дорога, навсегда осталась бы в памяти населения, причем напоминанием о ней явилась бы полоса земли от кишлака Минь-тубе до Андижана, изъятая из пользования туземцев и отданная впоследствии русским крестьянам.

Поселение же последних на этой полосе имело бы весьма полезное значение в политическом отношении, создав прочное усиление русского элемента в Фергане; с другой стороны, выселение туземцев, этих природных ирригаторов, в те местности Европейской России, где производятся оросительные работы, принесло бы существенную пользу этому делу. Если же выселение в сих размерах признано было бы неудобным, то полагал бы во всяком случае применить его относительно жителей кишлака Минь-тубе, состоящего из двух селений Таджик и Кашгар, где жил ишан Мадали, и кишлака Куля, где был убит мятежниками мещанин Бычков.

Причины мятежа и внезапности нападения на Андижанский лагерь. По соображении всех обстоятельств и событий, сопровождавших действия ишана Мадали и его сообщников, можно безошибочно сказать, что главнейшая причина рассматриваемого мятежа заключается в мусульманском фанатизме, повсеместно значительно оживившемся в последнее время и нашедшем в данном случае такого влияния ревнителя, каким был минь-тубинский ишан. Весьма возможно, что к нему примкнули и люди, имевшие личные неудовольствия против русской власти, но никаких общих или частных жалоб и даже сетований обвиняемыми заявлено не было. Указания главы мятежа, ишана Мадали, на запрещение паломничества в Мекку, отмену зякета и хераджа¹ и упразднение некоторых вакуфов является выражением недовольства, имеющего религиозный характер, т. е. сводятся к той же указанной выше причине восстания.

Это последнее могло быть предупреждено задолго до 18 мая, если бы власти имели сведения о готовившемся религиозном движении и придавали ему надлежащее значение и если бы затем у них своевременно были сообщения о заговоре для нападения на русские войска, так как в таком случае сборища мятежников было бы достигнуто в Минь-тубе и нападение на роты 20 линейно-кадрового батальона не имело бы места. Но среди населения, в большинстве сочувствовавшего замыслам ишана, и даже среди лиц туземной администрации не нашлось никого, кто бы своевременно предупредил о планах фанатика Мадали. Это обстоятельство заслуживает серьезного внимания.

По покорении края и особенно со времени завоевания Кокандского ханства мятежные шайки появлялись часто, и до 1855 г. не проходило почти ни одного года, чтобы где-нибудь в Ферганской области не бродили банды мятежников или разбойников. Условия для существования их были в то время особенно благоприятны: бывшие ханские армян, дворцовая челядь и чиновники без дела и средств к жизни, представляли каждому фанатику, авантюристу или разбойнику готовый материал для составления отряда или шайки. Но до настоящего года никогда не было случая, чтобы русская власть не получала своевременно сведений о готовившемся восстании.

Такая разница в положении вещей прежнего и нынешнего времени вполне соответствует разнице в порядке нашего управления краем до и после 1887 года. Первый туркестанский генерал-губернатор К. П. Ка-

¹ Херадж — поземельный налог, накладываемый мусульманскими государями на не-мусульман.

уфман, на опыте познавший слабые стороны действовавшего тогда проекта положения об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями, ввел при образовании Зеравшанского округа, а затем и Ферганской области, значительно измененный порядок управления этими новыми нашими территориальными приобретениями в Средней Азии, заменив прежде всего выборное начало системой назначения на должности по туземной администрации.

Избрав уездных начальников (и их помощников) из выдающихся войсковых офицеров, Константин Петрович обеспечил их значительным содержанием, облек своим доверием и, по высочайше предоставленной ему власти, дал им большие полномочия, в том числе право председательствовать в съездах народных судей и право разбирать и решать семейные и брачные дела туземцев. Эти высоко поставленные в глазах населения, привыкшего повиноваться только сильной власти, уездные начальники избирали; в свою очередь, на должность волостных управителей, где это было возможно, лиц, пользовавшихся в своей туземной среде общим доверием и уважением.

Так как волостным управителям было сравнительно большое содержание (до 1200 р. в год), прекрасно обеспечивавшее их благосостояние, то у них не было побудительных причин для поборов с народа. Обеспеченность в материальном отношении и полная независимость от населения, в связи с почетным положением, а также огромная разница в нравственном отношении между русскими начальниками и корыстолюбивыми чиновниками ханского правительства, заставляли волостных управителей не только крепко дорожить своими местами, но и признать нравственное превосходство русской власти, причем большинство лиц туземной администрации искренне привязалось к своим начальникам и стало дорожить установившимся порядком. А так как волостные управители, как уже упомянуто, в большинстве пользовались, в силу личных качеств своих, уважением и доверием населения, то около них образовалась русская партия, предпочитавшая наше, русское, управление всякому другому, и из среды этой партии мы всегда своевременно получали сведения о всякого рода брожениях или движениях в массах народной, а также о замыслах фанатиков или авантюристов и, благодаря этому, мятежи прекращались большей частью в самом зародыше и никогда не были для нас вполне неожиданными.

С введением в действие положения 1886 г. об управлении краем, обстоятельства скоро изменились существенным образом, — к сожалению, в неблагоприятную сторону. Положением этим власть и значение уездных начальников, на коих, главным образом, лежали обязанности по сохранению спокойствия в крае и установлению уважения и привязанности к русскому правительству, без всякой нужды умалены, причем значительно увеличена письменная деятельность в канцелярии, чем сокращена до минимума возможность объезда вверенных им обширных территорий.

Число чинов русской уездной администрации, бывшее и до того времени недостаточным, уменьшено в 1887 г. далеко более возможного. Достаточно упомянуть, что в Ферганской области с населением в 1 1/2 миллиона, число уездных начальников, их помощников и участковых приставов, ограничено 17 человеками, тогда как в подходящей к ней по составу населения Елизаветпольской губернии с 800 тыс. душ населения, этих чинов состоит 43 человека, причем обязанности их гораздо менее сложны, чем в Фергане. Такое чрезмерное сокращение личного состава русской администрации, сделав исполнение возложенных на нее обязанностей непосильным, естественно привело к тому, что она стала относиться к ним не с достаточным вниманием. Все это

и к тому же появление в крае новой, независимой и нередко недружелюбной к чинам администрации судебной власти, повело весьма скоро к умалению в глазах населения значения власти вообще.

Затем вместо назначения на должности волостных управителей лиц по избранию и представлению уездных начальников, положением введено выборное начало. Вследствие этого волостные управители стали в отношении получения и сохранения за собой должностей своих вне зависимости от уездных начальников. Личный состав волостных управителей изменился, как хорошо всем известно, к худшему в поразительной степени. Выборные волостные управители естественно стали заботиться не столько заслужить одобрение русской власти, сколько о том, чтобы приобрести расположение к себе населения и особенно той его части, которая имеет наибольшее влияние на результаты выборов, т. е. разных мироедов, эксплуататоров, влиятельных ишанов, мударисов¹, мутевалиев² и тому подобных элементов, большей частью относящихся к русской власти враждебно, или, по крайней мере, недоброжелательно.

Русская партия при таких новых условиях скоро рассеялась сама собой, зато выборная горячка с подкупам, клязумами, доносами и прочими неблагоприятными для устранения соперника приемами вошла в нравы населения, до того с ней совершенно незнакома. Все это повело к печальным явлениям в жизни народной и люди, вроде ишана Мадали, действительно имеют основание утверждать, что установленными порядками портится народная нравственность не только в узко мусульманском, но и в общем смысле³.

Слабые стороны положения 1886 г. этим, к сожалению, не ограничиваются. Оно, сверх того, резко провело разделение власти судебной от административной во всех инстанциях до народных судов включительно. Такое разделение, явившееся для туземца непонятным двоевластием, также весьма сильно способствовало упадку значения администра-

¹ Мударис — учитель в мусульманской школе (медресе).

² Мутевали — звание заведующего медресе или смотрителя мечети.

³ Прекрасной иллюстрацией того, как рассеялась русская партия, может служить Ошский уезд. По образованию его туда был назначен уездным начальником капитан Ионов (ныне генерал-майор, командир 4 Туркестанской линейной бригады), отлично уже в то время знавший туземцев и притом человек, отличающийся рыцарским характером. Он с самого начала приблизил к себе весьма влиятельную и почтенную семью Курбан-Датх, так называемой: «Алайской царьцы», представители которой упорно и храбро последними боролись с нами, отстаивая свою независимость. Избрав большую часть волостных управителей именно из этой семьи, отличая их верную и прекрасную службу и сумев им внушить к себе и к русской власти доверие, уважение и любовь, капитан Ионов достиг того, что вся семья эта стала настолько нам благодарной и преданной, что держала население всего Ошского уезда в строгом порядке и повиновении, и жители этого уезда, как известно, никогда не принимали участия в обычных в Фергане волнениях. С установлением в 1887 г. выборной системы, семья Курбан-Датх при содействии русской власти, сохраняла в первое время свое значение, но затем постепенно отошла на задний план, сохраняя все-таки преданность русским, хотя под конец для этого мы уже ничего не делали. Напротив, в 1895 г. нами была допущена казнь Камчибека, младшего сына Курбан-Датх и сыновья в Сибирь других членов ее семьи по недостаточно проверенному обвинению их в убийстве таможенного стражника, сокрытии этого преступления и заготовке контрабанды, а между тем существуют убедительные указания, что во время убийства стражника Камчибек находился в Ошском уездном управлении за 150 верст от места преступления. И, однако, несмотря на этот факт нашего неправоусудия и явное забвение преданных нам людей, единственный из находившихся в середине мая в Ошском уезде представителей семьи Курбан-Датх, ее илеманник, Карбек Хасанов, своим заявлением ошскому уездному начальнику о готовящемся восстании, спас г. Ош от нападения мятежников. настолько еще, как видно, крепки завязаные прежде узы, порвать которые всеми способами в течение последних 12 лет. К сожалению, непорванных уз почти не остается, а скоро их и совсем не станет, если мы не возвратимся к прежнему режиму, столь же благоприятному, сколько и полезному (Прим. в подлиннике).

ции. Туземец, в течение веков привыкший к единоличной власти, не мог понять наступившего с 1886 г. бессилия уездных начальников в защите его от притеснений и неправды и, видя в них с этого времени простых только исполнителей решений не только русских, но даже и туземных судей, хотя бы решения эти были возмутительными по своей несправедливости, перестал смотреть на уездного начальника, как на ближайшего своего заступника и радателя.

Вместе с тем он заметил, что рядом с потерявшим прежнее значение уездным начальником, стоят сильные, хотя и исполненные неправды народные судьи с обширнейшей компетенцией и менее властный русский мировой судья, в камеру которого он попадал, если судился или с русским человеком, или с туземцем другой народности, а также, когда привлекался к ответственности администрацией. В этом последнем случае он часто терял последнее уважение к русской власти вследствие странных иногда решений мировых судей, часто незнакомых с туземным бытом, нередко увлекающихся взглядами, не применимыми в недавно покоренной мусульманской стране, и — что еще прискорбнее — нередко стоящих в антагонизме с уездным начальником. Этот антагонизм, доходивший иногда до крайних пределов и пронизывающий все судебные инстанции, особенно способствовал потере уважения к русской власти¹.

Таким образом, результатом реформы 1886 года явились: во-первых, двоевластие и сильное понижение значения уездных и других начальников, что уронило в глазах туземцев русскую власть вообще, а административную в особенности, а во-вторых, рассеяние русской партии и разрыв тесной связи между русской и туземной администрацией, что повело к разрушению прекрасно созданного моста для установления доверия и уважения к русским властям. Около туземца, уже привыкшего к доброжелательной и заботливой, но крепкой и единой русской власти, не стало такого близкого и сильного попечителя, каким был прежний уездный начальник, на смену которого явился другой — сравнительно слабый, переутомленный, не обладающий достаточными правами и средствами для защиты и воздействия на туземное население. Все это в связи с другими выше упомянутыми обстоятельствами отняло у русской административной власти прежнее обаяние, столь необходимое в полудикой азиатской стране с фанатичным мусульманским населением, и лишило нас в среде туземного населения преданных людей, которых не может вполне заменить самое лучшее устройство сыскальной части с лазутчиками и шпионами. Этим именно и объясняется неслыханная дерзость и внезапность нападения на андижанский лагерь 18 мая текущего года².

Заключение. Закрывая настоящий отчет, почитаю долгом доложить, что сурово покарвав виновных в восстании, поднятом ишаном Мадали, и выселив в Европейскую Россию жителей театра наибольших беспорядков, мы произведем на туземное население устрашающее впечатление, действие которого будет достаточно на довольно продолжительное время, чтобы предохранить край от повторения мятежа, подобного происшедшему в мае сего года в Ферганской области; усилив же русскую колонизацию и введя коррективы в порядок и систему нашего управления средне-азиатскими владениями, восстановим упавшее значение нашей власти и поставим ее на надлежащую высоту, при которой станут немыслимы мятежи, дошедшие уже до открытого нападе-

¹ Опускается перечисление отдельных примеров неправильных, по мнению Королькова, действий судебных органов, в ущерб престижу военной администрации.

² Далее Корольков подробно перечисляет «меры к устранению мятежей в будущем». Так как этот перечень изложен в докладе Куропаткина Николаю II от 13 сентября 1898 г. (см. ниже стр. 175), то эта часть записки Королькова опускается.

ния на наши войска, а мерами культурного воздействия на туземца — постепенно сделаем его верным русским подданным, вполне готовым стать под действие общих в империи законов.

Генерального штаба ген.-лейт. Корольков.

Из рапорта командующего войсками Туркестанского военного округа ген.-лейт. Духовского ген.-лейт. Куропаткину, 5 августа 1898 г.¹

Представляется при сем отчет генерал-лейтенанта Королькова о причинах ферганского возмущения и о степени виновности в оном лиц местной администрации.

Телеграммой от 11 июня сего года за № 554 я уже сообщил вашему высокопревосходительству мое мнение о тех же предметах. Отчет генерал-лейтенанта Королькова лишь подтверждает и подробно мотивирует то же самое мнение.

Достоин внимания, что при опросах на следствии многих сотен виновных туземцев никто из них не заявлял жалоб ни на какие притеснения или несправедливости местных властей, и лишь некоторые из главарей указывали вообще на то, что под управлением русской власти видимо поколебалась чистота строгого мусульманства, в смысле увлечения материальными интересами.

Очевидно, все дело стояло исключительно на почве мусульманского фанатизма, который имел полную возможность развиваться до крайних пределов и, наконец, выразился в столь резкой форме.

Действительно, завоевав Туркестан, русские встретились здесь с совершенно обособленным, замкнутым миром, нравственный и общественный быт которого не имел ничего общего с теми же сторонами русской жизни. Поэтому неудивительно, что русские хотя и воспользовались отсутствием в местном населении расового патриотизма для быстрого покорения Туркестана, но тем не менее не могли сразу проникнуть во все стороны своеобразной местной жизни.

Ген.-ад. фон Кауфман, осмотревшись, отлично видел, что связующим звеном для населения служит в высшей степени развитая и до мелочей регламентированная жизнь мусульманства по шариату; что это — сила, с которой надо бороться, и которая, в наших интересах, должна быть ослаблена во что бы то ни стало. Лучшим средством для этого он считал игнорирование мусульманских установлений внутри края и, насколько возможно, ограничивал распространение магометанства. Стремление его противодействовать полному объединению мусульман выразилось в упразднении как высшей мусульманской должности кази-каляна², так и рансов, наблюдавших за исполнением правил шариата, а равно в том, что имея перед глазами законоположения об управлении духовными делами магометан, он не только не допустил учреждения взамен кази-каляна должности, соответственной муфтию³, в Крыму, Уфе и на Кавказе, но исключотал даже, чтобы оговорка закона, что власть уфимского муфтия распространяется на все прочие области российской империи, не имела силы по отношению к Туркестану.

Самого же религиозного быта туземцев ген.-ад. Кауфман хотя и не касался совершенно, но, повидному, имел за ним несомненный надзор; приемники же его пошли дальше и совершенно не следили за жизнью мусульман: школы, духовенство, духовные ордена, ишаны — оставались без всякого наблюдения администрации и, само собою ра-

зумееется, без всякого направления и должного руководства с ее стороны, не говоря уже о том, что не имелось никаких сведений ни о числе разного рода мечетей, ни о ишанах при них, ни о других служителях мусульманской идеи.

Таким образом нашим заклятым врагам была предоставлена полная свобода действий.

Между тем ислам, имея основным заветом истребление неверных и священную войну, хотя и склонился в Туркестане перед громом нашего оружия, но в тайниках своей души сохранял и долгу будет сохранять надежду на возрождение. Это столь же естественно и понятно, как порыв православия среди русского народа в период монгольского ига, как национальные и религиозные движения всякого народа, покоренного чуждою ему нацией.

Обстоятельство это было упущено из виду. Между тем занятия нами Туркестана, водворив мир и спокойствие в крае и способствуя обогащению населения, в то же время привело туземцев в соприкосновение с русской жизнью и, естественно, влияло на изменение нравов и обычаев туземцев, что, конечно, было не в расчетах ревнителей мусульманства и должно было вызвать усиленную пропаганду против русских.

Казенный ныне минь-тюбинский ишан говорит так: «После завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от требований шариата, пьянство, разврат и были подорваны семейные начала. Русская власть, хотя обращалась с народом мягко и гуманно, но в то же время запрещала нахождение в Мекку, отменила уплату зякета и лишила доходов вакуфные учреждения, не заботясь о поддержании нравственности и чистоты семейных нравов».

В этих словах нельзя не видеть, что ослабление мусульманства отчасти уже достигнуто одним простым соприкосновением туземцев с русской жизнью; нельзя не видеть победы русского влияния над местными нравами, но нельзя не видеть и того, что вспышка мусульманского фанатизма в Фергане имела за собою серьезную положительную цель — борьбу с нашим влиянием.

Ишан не высказывает жалоб на какие-либо общие притеснения, побудившие его восстать, но в его словах слышна скорбь, что чистота мусульманства от соприкосновения с русскими поколебалась.

Таким образом не подлежит никакому сомнению, что разыгравшиеся в Фергане события появились на почве мусульманского фанатизма, доказав, что среди туземного населения тлелись, тлеются и будут тлеть еще долгое время очаги, нежелающего добровольной смерти ислама, и что вспышка этих очагов, при благоприятных к тому обстоятельствах, возможна ежедневно. Хотя эта вспышка и появилась в Фергане, но явление это не может считаться делом чисто местным или одного какого-либо класса населения. Сочувствие к «газавату», как видно из хода судебного следствия, высказало почти все население Ферганы; кроме того, есть основания предполагать, что о восстании было известно и в других местах края.

Спустя уже месяц после нападения на Андижан, когда приходилось арестовывать беглецов из жителей Самаркандской области, один из волюнтарных управителей отказался исполнить отданное по этому поводу приказание пристава.

Есть также показания русских жителей Чимкентского уезда, удостоверяющие, что тамошние туземцы хвалились, что владычеству русских предстоит скорый конец.

¹ ЦВИА, д. № 83, ч. IV, лл. 1—8.

² Казн-калян — высшее мусульманское духовное лицо.

³ Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман-суннитов.

В бухарских владениях¹ был случай убийства русского сторожа фанатиком туземцем, а затем дерзость туземцев дошла до того, что было даже несколько случаев выражения явной враждебности по отношению к работавшему в Бухарских пределах топографу и его конвою.

Резкое проявление этой враждебности было сдержано лишь бухарской администрацией, за исключением Денаусского бекства, где бек оказался виновным в попустительстве.

Затем около Курган-тубе был выстрел по нашему джигиту пограничной стражи, а бухарские власти Шугнана высказывали англичанину Коббольду свое сочувствие происходившим событиям.

О подготовлявшихся событиях было известно и в Семиречьи; наконец, общее настроение жителей было таково, что, по имеющимся донесениям, простая ссора между волостным управителем и киргизами близ Чиназа вызвала со стороны последних желание, не приведенное в исполнение, испортить телеграфную линию.

Вообще все дает право думать, что брожение, происходившее в Фергане, охватило гораздо больший район, чем можно было первоначально предполагать.

Вместе с тем мы имеем, с одной стороны, официальное донесение со стороны кашгарского консула, что тамошние мусульманы удивляются безумию жителей Ферганы, восставших против власти, давшей им спокойствие и благосостояние, а с другой, — свидетельства о тяготении к нам афганского Туркестана и Вудахшана.

Сопоставляя это с заявлением генерал-адъютанта Кауфмана в проекте всеподданнейшего отчета², что население среднеазиатских ханств приходится сдерживать от слишком сильного тяготения к нам, можно прийти к заключению, что, пока население испытывает гнет туземных порядков, оно тяготеет к нам; но раз оно добьется этого и разбогатеет, — то наружу выйдут требования мусульманского фанатизма, не мирящегося ни с каким другим режимом.

Наиболее благоприятным обстоятельством для резкого проявления этого фанатизма была, и может быть в будущем, война России, особенно при участии в числе противников наших мусульманских государств. Ныне же обстоятельству этому поспособствовал общий подъем духа среди мусульман, особенно после победоносной войны турок с греками³. Ближайшим поводом, побудившим ишана Мадали к поднятию зеленого знамени, было благословение, в которое он и его близкие люди безусловно верили, полученное из Стамбула от турецкого султана⁴. Это указывает несомненно, что здешние магометане признают в падишахе своего верховного духовного вождя; но и независимо от сего, есть прямые указания, что из Константинополя посылаются эмиссары во все мусульманские провинции России под видом сбора в пользу турецкой казны для борьбы с неверными.

В конце 1890 г. начальник главного штаба уведомлял туркестанского генерал-губернатора, что наш поверенный в делах в Константинополе сообщает, что заветный помысел султана — поднять значение халифата⁵; он полагает осуществить обращение к мусульманам Индии и

¹ Бухарское ханство — с конца 1860 г. входило в состав б. Российской империи как вассальное государство.

² Стр. 9 над. военно-ученого комитета Главного штаба (Прим. в подлиннике).

³ Война между Турцией и Грецией началась 18 апреля 1897 г. и окончилась победой Турции.

⁴ Представленное мною вашему высокопревосходительству при письме от 26 июля за № 532 (Прим. в подлиннике).

⁵ Халифат — средневековое арабское теократическое государство, во главе которого стояли «преемники пророка Мохамеда», сочетавшие высшую светскую и высшую духовную власть. С XVI в. титул халифа, т. е. главы всех мусульман, перешел к султанам Османской империи.

России о денежной помощи для поддержания ислама, угрожаемого давлением христиан, и что пропаганда уже началась в наших пределах.

Наконец, депеша, полученная мною в июне сего года о том, что в Среднюю Азию и теперь посланы 8 офицеров турецкого генерального штаба, указывает, что идея султана осуществляется и в настоящее время.

Со стороны Афганистана, надо думать, также производится агитация. Абдурахман-хан, овладевший кабульским престолом при крайне трудных обстоятельствах, благодаря своим выдающимся способностям, редкой силе воли и политическому такту, настолько укрепил свою власть в Афганистане, что может думать о внешних предприятиях, подготавливая их возбуждением фанатизма и проведением идеи газавата в соседних странах.

Что афганцы были осведомлены о событиях в Фергане, подтверждается как донесениями начальника Памирского отряда, так и появлением в Фергане 3 таджиков, относительно которых есть основание предполагать, что они явились в качестве лазутчиков и прибыли в Маргелан как раз перед самым нападением на Андижан.

Тайное сочувствие воинствующему мусульманству и идеям, исходящим из Константинополя, проявляется не только в низших слоях туземного населения края, но, повидимому, и среди наших вассальных владетелей.

Из донесения начальника аму-дарьинского отдела от 28 февраля 1897 года видно, что в январе того же года приезжал из Константинополя в Хиву влиятельный мусульманин Сеид-Селих-Эфенди, привезший хану священные финики и воду. Остановившись у дяди хана Саид-Абдула-Хаджи, часто посещал нашего вассала и получал от него значительные подарки деньгами и вещами.

При опросе в Петроалександровске Саид-Абдула-Хаджа предъявил паспорт, выданный ему из Константинополя, и сообщил, что был в Хиве по торговым делам, прожил там 28 дней, а товару имел на 800 рублей. Сообщить, какую сумму имеет при себе, отказался, но заявил, что в сундуке у него есть значительная сумма.

Из донесения нашего политического агента в Бухаре видно, что в Бухару приезжал меккский уроженец Абдул-Кадыр, остановившийся в доме бухарского кази-каляна и собиравший, по слухам, пожертвования для турецкого султана, в виде приношений на благоугодные дела в Мекке. Кроме того, по слухам, кази-калян получил из Константинополя письмо с просьбой оказать денежную помощь халифату.

Письмо это было доложено эмиру, который и поручил кази-каляну приобрести русских кредитных билетов на сумму около 680 тыс. рублей. Деньги эти предполагалось передать по назначению через бухарского чиновника, который должен был отправиться в Константинополь весной 1897 г. под видом паломничества, но был задержан в Бухаре, ввиду прекращения паломничества в ожидании чумной эпидемии.

После этого бухарский диван-бег¹, заявив нашему политическому агенту, что эмир, по примеру прежних лет, желал бы сделать пожертвование в Мекку, не возобновлял больше просьбы устроить это дело, когда наш политический агент предложил перевести деньги по назначению через наше посольство в Константинополе.

Имеются и другие сведения, что турецкие эмиссары не только занимались сбором пожертвований в пользу халифа, но, по слухам, занимались иногда и пропагандой идеи газавата.

¹ Диван-бег — звание высшего сановника, обычно заведующего финансово-налоговым ведомством в Бухарском, Кокандском и пр. ханствах Ср. Азии.

Вообще, несмотря на все выгоды, которые дает туземцам наше господство в Средней Азии, едва ли население в состоянии помириться с нашим владычеством и вряд ли можно ожидать в близком будущем слияния его в чувствах преданности государю и государству с остальным русским народом.

Здесь является историческая борьба двух рас и двух религий, которая может кончиться только победой русского народа и православия, но последнее достижимо лишь при правильной постановке отношений этих двух сил.

Между тем это обстоятельство было упущено из виду ревизионной комиссией тайного советника Гирса 1886 г., отчет который послужил основанием положения, ныне 12-й год действующего в Туркестанском крае.

Комиссия тайного советника Гирса приняла затихшие ради страха за доказательство такого умиротворения края, при котором возможно не только полное уравнивание его правового порядка с внутренними губерниями, но даже дарование миллионам туземного населения самых либеральных выборов начал, с трудом улегающихся даже в таких государствах, как Франция и Америка.

Увлечшись дешевой, комиссия тайного советника Гирса проектировала большое сокращение представителей русской власти, а, преследуя идею равноправности покоренного с покорителем и обуздание своей русской власти, умалила значение этой власти до состояния, близкого к бессилию.

В отчете генерал-лейтенанта Королькова изложены с достаточной подробностью неблагоприятные последствия от упомянутых неправильных оснований, столь расходящихся не только с доводами покойного ген.-ад. фон Кауфмана, но и многих других лиц, близко знавших туркестанских мусульман.

Ныне ошибочность предложений комиссии тайного советника Гирса обнаружилась воочию.

Установив выборное начало не только для туземной администрации, но и для суда, ослабив, даже почти устранив, влияние уездной администрации на сельское управление и снабдив народный суд обширными полномочиями, положение 1886 г., с одной стороны, затруднило наблюдение за населением, а с другой — сделало уездную администрацию лишь исполнительницей решений народного суда.

В то же время полное разделение судебной и исполнительной власти, подчинив частью последнюю прокурорам и мировым судьям, которые в то же время несколько не ответственны за спокойствие и безопасность края, должно было еще более подорвать престиж и силу власти.

Вот чем объясняется, что при всем своекорыстии сартов между властными управителями нашлось не мало изменников.

Таким образом подготовка восстания в крае вытекала из самого положения вещей и, если проявилась пока лишь в Фергане, то это благодаря особенностям тамошнего населения и некоторым несчастным обстоятельствам.

Население этой области, позже других покоренное и оказавшее сопротивление при самом завоевании, и потом неоднократно поднимало знамя «газавата».

Так, в 1878 г. было дело Джетым-ханов во главе с Мамыром, повешенным затем в Андижане.

В 1882 г. был объявлен газават с ханом во главе, причем виновные были повешены в Маргелане и Андижане.

В 1885 г. было заметное движение, созданное Дервиш-ханом в Маргеланском и Андижанском уездах.

В 1892 г. попытка объявления газавата была сделана Сабыр-ханом из Кокандского уезда.

Наконец, последний газават объявлен мянь-тюбинским ишаном.

Все эти вспышки должны были указать местной администрации, что население всегда способно увлечься первым успехом для восстания.

Между тем ген.-лейт. Повало-Швейковский не придавал, повидимому, этим фактам никакого значения, что видно между прочим из ответа его на запрос, установлен ли какой-либо надзор на случай появления шпионов.

Ген.-лейт. Повало-Швейковский ответил на это, между прочим, что уездные начальники ко всем иностранцам, а также и к туземцам, относятся всегда с большим подозрением, чем следует, и что нередко их приходится даже сдерживать.

Такой взгляд не мог, конечно, не отразиться на всех низших органах управления и не ослабить их наблюдательности и предусмотрительности.

Поэтому естественно, что подготовка восстания, производившаяся довольно долгое время, была совершенно не замечена.

В усадьбе ишана угощались сотни проходящих, а Иноят-хан, которому он передал ишанство, за 10 месяцев до 17 мая переселился из Ханабада в Маргелан и начал здесь свою пропаганду.

Наняв дом рядом с хаджа-хане¹, он соединил дверью эти два помещения и от имени мянь-тюбинского ишана начал устраивать шаймы (даровые угощения) не только для путников, но и для всех желающих.

С другой стороны, подготовку восстания ишан поручил Бакиру-Нурматову, управителю Ичкиликской волости, а сам вошел в сношения с соседними волостями, особенно с Кулинской, а также с киргизами сусамырскими и кугартскими и с богатыми купцами г. Андижана, которые сформировали особую шайку, вышедшую навстречу ишана.

В Андижане, между прочим, сартовская прислуга еще за неделю до 17 мая уходила безо всякого повода от своих русских господ.

Но все эти факты не обратили на себя никакого внимания.

Решимости восстать против русских несомненно способствовало, помимо указанных ранее причин, ослабление войск в Фергане за последнее время, оставление в Андижане всего 2 рот и то, что в мае месяце казахи и артиллерийские лошади были на траве, вдали от мест квартирования.

Число туземцев, подвергнутых суду, конечно, значительно менее числа участников заговора и, если бы настойчиво продолжать преследование, то число это возросло бы во много раз.

По мнению военного прокурора, много виновных в беспорядках не попало под суд, благодаря недостаточности улик. Ловили и доставляли преступников главным образом чины туземной администрации, — интереса которых могло быть желание скрыть не только своих родственников, но и вообще лиц своей волости, дабы избежать нареканий в бездействии власти.

Списки, найденные у Иноят-хана и у самого ишана, а также и другие указания, не давая оснований для привлечения многих лиц к суду, тем не менее указывают, что район, знавший о волнениях, значительно обширнее, чем можно заключить из данных судебного разбирательства; тем не менее только один из жителей, киргиз Карабек-Хасанов, родственник знаменитой Курбан-Джал-Датхи, предупредил о грядущем событии.

¹ Странноприемный дом, главным образом, для идущих в Мекку (Прим. в подлиннике).

В числе участников восстания оказалось не мало людей, прекрасно сознающих превосходство наших порядков пред прежними ханскими, испытавших лично на себе выгоды нынешнего материального благосостояния.

Очевидно, что здешнее население весьма далеко от того, каковым оно обрисовано в последней главе отчета тайного советника Гирса¹.

Ишан Мадали, по невыясненным вполне причинам, вероятно опасаясь, что заговор будет раскрыт преждевременно, торопился перейти к действиям, не дав созреть всему широко задуманному плану обширного восстания с одновременным нападением на многие пункты. Если бы не эта несчастная для ислама и счастливая для нас случайность, было бы одно из двух: или восстание стоило бы несравненно более крови, жертв и труда для его успокоения, или наша власть, хотя и узнав о замысле и предотвратив исполнение, не имела бы достаточно доказательств несостоятельности положения 1898 г., против чего ныне, полагаю, не может быть возражений.

Переходя затем к вопросу о виновности разных районов Ферганы в бывшем восстании, имею честь сообщить, что вопрос этот, по моему приказанию, обсуждался в особом совещании из представителей администрации Ферганской области с участием прокурора и председателя военного суда, а также военного следователя, причем совещание пришло к заключению, что за исключением нагорных частей Кокандского и Наманганского и большей части Ошского уезда, в последних беспорядках виновны все остальное население Ферганы, причем более виновными признаются уезды: Маргеланский и Андижанский целиком, а в Ошской волости Наукатская, Акбуринская и Булак-Башинская.

В помянутых уездах непосредственных участников нападения на Андижан дали города: Андижан, Маргелан и Ош и волости: Минь-тюбинская, Кулинская, Ассакинская, Кара-Тепеаукентская, Кувинская, Шариханская, Араванская, Сегазинская, Ичкиликская, Язъяванская, Якатукская, Наукатская, Акбуринская, Булак-Башинская, Кугартская, Сусамырская, Кенгель-Карагыльская и Хакентская.

Наиболее же виновными признаются волости: Кулинская, Минь-тюбинская и город Андижан, а затем: волости — Ичкиликская, Наукатская, Хакентская, Кугартская, Сусамырская, Акбуринская и Ассакинская.

Обращаясь далее к ответственности губернской и уездной администрации Ферганской области, не могу не высказать уже в настоящее время, что она подлежит упреку в неисполнении обязанности, возложенной на нее постановлениями общего учреждения губернского следить за спокойствием и безопасностью населения.

Некоторые представители ее, сверх того виновны и в том, что, узнав о сформировании шайки, не приняли немедленно никаких мер к ее рассеянию².

Приложение: отчет генерал-лейтенанта Королькова.

Ген.-лейт. Духовской

¹ Общий взгляд на положение Туркестанского края, стр. 113—122 (Прим. и подлиннике).

² Далее опускается характеристика действий ген. Повало-Швейковского и уездной администрации, а также некоторые соображения Духовского к докладу Королькова.

Из рапорта военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда
ген.-майора Долинского ген.-лейт. Духовскому, 21 августа 1898 г.
№ 400¹.

В программу, установленную генерал-лейтенантом Корольковым, ко-
ему было высочайше поручено расследование по делу о восстании
туземцев Ферганской области под предводительством минь-тюбинско-
го ишана Могамед-Али, вошли, кроме вопроса о степени виновности
участников и прикосновенных к восстанию лиц, также и вопросы:
1) о причинах, вызвавших восстание; 2) о причинах, способствовавших
возникновению и развитию восстания, неожиданного для русских
властей; 3) о деятельности иностранных эмиссаров, если таковые яв-
лялись; 4) о сношениях заговорщиков с другими областями Туркестан-
ского края, Бухарой, Хивой и иностранными государствами; 5) о планах
[заговорщиков] будущего устройства края после свержения русского
правительства; 6) об ответственности должностных лиц русской и ту-
земной администрации, допустивших возникновение и развитие вос-
стания.

При обширности района возмущения, массе участвовавших и прикос-
новенных к возмущению лиц, поголовном их заперательстве при до-
просах и слишком кратком сроке для расследования, исполнение такой
программы с надлежащею полнотою, конечно, не представлялось воз-
можным, и расследование должно было сосредоточиться преимуще-
ственно на установлении уголовной ответственности, привлекаемых в
качестве обвиняемых лиц, и лишь попутно собирать материал и по
другим вопросам. Собранные таким образом данные [позволяют] сде-
лать следующие общие заключения.

Общею причиною восстания необходимо признать религиозный
фанатизм туземцев мусульман, в невежественной среде которых
«газават» — война с неверными, составлявший основной догмат веро-
учения в давно прошедшие времена воинствующего исламизма, сохра-
нил еще в значительной мере свою силу и значение. Край исками
мусульманский, окруженный мусульманскими же странами, поддер-
живающий постоянные сношения с мусульманскими центрами, благо-
даря постоянно двигающимся туда и обратно многочисленным хаджам-
паломникам, — Ферганская область, еще так недавно, менее четверти
века, вошедшая в состав русской империи, не успела еще окончательно
примириться и признать бесповоротной потерю всякой тени своей
политической самостоятельности, хотя бы в виде маленького вассаль-
ного мусульманского ханства, как Хива и Бухара. При кратковремен-
ности русского владычества и отсутствии прочно осевшего русского
элемента в крае не могло быть и речи, не только об ассимиляции, но
даже и о простом внешнем сближении и знакомстве с русскими ту-
земного населения. Громадная часть этого населения не имела никаких
отношений к русским, знала и видела их только в лице ничтожного
числа начальствующих и должностных лиц, случайных путешествен-
ников и немногих торговцев и промышленников, являвшихся с целями
эксплоатации.

Живя совершенно обособленно жизнью даже в городах, сохраняя
свои верования, обычаи, образование, мировоззрение, традиции, управ-
ление и суды в низшей инстанции, туземное население, естественно,
могло считать русское владычество случайным, преходящим, не нуж-
ным и напрасно обременительным и стремиться от него избавиться.
Привыкшее во времена последних ханов к волнениям, заговорам и
восстаниям, попытки которых продолжались и при русском владыче-

¹ ЦВИА, д. № 85, т. IV, лл. 10—34.

стве, туземное население не видело чего-либо особо необычного и преступного и в последнем заговоре и восстании минь-тюбинского ишана Могамед-Али и, если даже не принимало никакого участия и не сочувствовало восстанию, то недонесением, укрывательством и лжесвидетельством перед русскими властями способствовало виновным избежать наказания, считая, что преступление их касается исключительно русских, совершенно как бы в пользу мусульман; идея же нарушения общего государственного порядка и спокойствия туземному населению, повидимому, совершенно чужда и непонятна, так как нераздельной частью того целого, что составляет русское государство, оно себя еще не признает.

В населении, привыкшем к смутам и восстаниям, в которых элементы политического брожения еще не улеглись в немногие годы мирной жизни под русским владычеством, имеется до сих пор значительный контингент лиц, которые по своему прошлому наиболее склонны к таким смутам и восстаниям.

Этот контингент составляют офицеры и другие служаки ханских времен, оставшиеся не у дел с переменой правительства, потерявшие прежнее положение и влияние, недовольные новыми порядками, непривыкшие к мирной трудовой жизни, а потому охотно примыкающие к всякому восстанию. Целый ряд таких ханских юзбашей¹, пансатов² и датх³ фигурировал и в настоящем восстании, играя в нем весьма заметную, а в некоторых случаях и руководящую роль.

В разноплеменном населении Ферганской области наиболее беспокойной частью всегда были (и долго еще, вероятно, будут) полуоседлые киргизы. По натуре своей впечатлительные, легковверные, подвижные, историческою жизнью своею приученные к грабежам и разбоям, глубоко невежественные — киргизы естественно должны были дать, — и дали в действительности, — главную массу участников восстания. На них фанатически религиозная идея газавата, руководившая самим ишаном и такими его соучастниками, как Иноят-хан, сама по себе не могла оказать большого влияния, но их влекла надежда наживы и власти, чудесные обещания легкой победы над русскими, которые исчезнут с лица земли при одном появлении ишана или будут поглощены чудовищными змеями, выползшими из горного ущелья⁴.

Много участников восстания дало и тюркское население Минь-тюбинской, Ассакинской и Кулинской волостей, что объясняется, повидимому, близостью этого населения к месту жительства самого ишана Могамед-Али, а потому и возможностью его непосредственного влияния и систематической пропаганды, тем более, что среди тюрков нашлись такие энергичные вожаки, как Карабай, мулла Касым, Бабатай, Субханкул, Сарымсак и Гаиб-Назар, с оружием в руках сгонявшие народ на присоединение к шайке ишана, двигавшейся на Андижан. Наконец, к восстанию, как и всегда в народных волнениях, пристаг всякий сброд: поденщики (мардекеры), мелкие торговцы — разносчики, нищие, диваны, нашакуры (курильщики напш), кумарбазы (игроки в азартные игры), вообще бродячий люд, не имеющий определенных занятий и местожительства, терять которому нечего. Много этого люда постоянно кормилось у ишана и двинулось с ним на Андижан.

Нет сомнения, что в подробности заговора относительно времени, места, распределения ролей по подготовке восстания и руководству самым восстанием были посвящены лишь главные соучастники ишана.

Могамед-Али, но общая цель заговора — газават против русских — не могла быть тайной для населения и только указанной выше враждою к русским, основанной на почве религиозного фанатизма, и отсутствием сознания солидарности интересов в охранении общего порядка и спокойствия объясняются, как обширность района заговора, охватившего Ферганскую область, так и возможность скрыть его от русских до последнего момента. Если бы масса населения не сочувствовала заговору и считала бы себя материально заинтересованной и нравственно обязанной предупредить о нем русское начальство, то, конечно, это было бы сделано тотчас же, как только стали ходить слухи о замыслах ишана, о происходящих у него подозрительных совещаниях и о сношениях его с доверенными лицами в разных местах. Между тем в целой области, как будет указано ниже, наплось всего только три человека (Низам-Эддин, Абду-Кагар и Карабек), которые заявили начальству о заговоре.

Вследствие упорного заперательства привлеченных к делу лиц и отсутствия у администрации средств для секретного расследования, установить хотя бы с приблизительной точностью, время возникновения заговора и пути его первоначального распространения не удалось. Судя по обширности района и множеству участников, надо думать, что заговор возник давно, но какие-то причины помешали ему созреть окончательно, восстание вспыхнуло ранее, предполагаемого [срока], и в нем не приняли активного участия весьма многие, на которых рассчитывали заговорщики, чем и объясняются, в значительной мере, такие неожиданные события, помешавшие успеху восстания, как: неудачи сходов на Биш-Алыче и Ак-Тереке, назначенных Иноят-ханом и Умарбеком-датхой, предполагавшими произвести нападение на Маргелан и Оп; недостаточная помощь, оказанная андижанцами самому ишану при падении на андижанский гарнизон; поведение Чибилы, пробывшего в пассивном ожидании с своими кугартцами, до вечера 18 мая.

По показанию Алибек-датхи¹, еще в двадцатых числах апреля ишан объявил ему, что улемы (духовенство) и календоры (влиятельные лица) городов: Маргелана, Коканда, Андижана и Оша и их уездов обещали ему свое содействие в газавате и сядут на коней «после жатвы ячменя», перед которой будет собрано совещание для решения, где и как объявить газават.

Есть серьезное основание ставить, если не начало, то дальнейшее развитие заговора и самое объявление газавата в связь с появлением в Ферганской области некоего Хаджи-Абду-Джалиля Мир-Садык-Карыев². Расследованием удалось установить об этом хаджи следующие данные: андижанский сарт по происхождению, он, еще в ранней молодости, отправился в Мекку и провел за границей много лет. Годы три тому назад, Абду-Джалиль из Константинополя, где он жил в календар-хане (монастырь дервишей и странноприемный дом) шейха Могамеда в местности Султан-Аюб-Ансар, проехал в Индию, затем через Яркенд, Хотан, Кашгар и Кульджу пробрался в Семиреченскую область, побывал в Ташкенте и наконец появился зимою 1895—1896 г. в Андижане, где скоро разнесся слух, что Абду-Джалиль привез «муймубарак» — волос из бороды пророка Могамеда, и народ стал собираться к нему на поклонение такой мусульманской святыне.

¹ Лл. 49—52 андижанского производства (Прим. в подлиннике).

² Показание Макамбая Кокибаева и сведения, собранные администрацией, лл. 664—669, 710—713, 747—748, андижанского производства, а также показание Иноят-хана, датное 17 августа с. г. (Прим. в подлиннике).

¹ Юзбашы — начальник сотни.

² Пансат — звание командиров быв. войск Кокандского ханства.

³ Датха — генеральский чин в среднеазиатских ханствах.

⁴ Показание Макамбая Кокибаева, капитана Агабекова и других (Прим. в подлиннике).

Прослышав однако, что администрация г. Андижана собирает о нем сведения, Абду-Джалиль перебрался в Маргеланский уезд, где жил некоторое время в с. Кува и Шарихан, устраивая там хаджи-ханы, затем исчез, уехав, повидимому, опять в Турцию, так как отправился на Самарканд, чтобы сесть там на железную дорогу.

Зимой текущего года Абду-Джалиль вновь появился в области, побывав в Коканде, Маргелане и с. Кува, а последнее время перед восстанием поселился в Шарихане. Вскоре после его приезда, в Коканде стали появляться подметные письма к богатым людям, со ссылкой на «газават», чтобы они заготовили «зьякет» и «херадж» за 15 лет, дабы люди «сахиби хуруджа» (вновь воцарившегося или вновь явившегося владыки), в случае газавата, могли взять эти деньги, причем оповещалось, что газават начнется, когда число людей «сахиби хуруджа» достигнет 1000 человек. Происхождение этих таинственных писем еще не установлено и в настоящее время, — о них производится дополнительное расследование.

Перед уразой он ездил в Таджики к ишану Могамед-Али с волосом пророка и передал тогда ишану грамоту и халат, будто бы присланные турецким султаном, от имени которого уговаривал ишана начать газават против русских¹.

Есть сведения, что Абду-Джалиль был у ишана и в апреле месяце, а дней за пять до 17 мая прислал ему, также будто бы от султана золотое кольцо и зеленое знамя, чтобы под этим знаменем объявить газават. Сам ишан Могамед-Али придавал привезенной ему Абду-Джалилем грамоте, назначавшей его хальфой (помощником, наместником) султана, громадное значение и считал ее, повидимому, за приказ и благословение султана, как главы мусульман, на объявление газавата против русских, хотя самая грамота² гласит лишь, что султан Абдул-Гамид, по праву преемства, передает учение пророка для распространения «азрету» (святому) хальфе Могамед-Али минь-тюбинскому, которому строго вменено в обязанность исполнять от всего сердца все требования «суннита».

Отговаривавшему его от безумного намерения объявить газават Алибек-датке ишан прямо заявил, что на то «воля бога и султана», а после неудачи под Андижаном, во время бегства, на упрек немногих, оставшихся при нем соучастников, что он вовлек их в такое дело, ишан ответил, что он исполнял волю султана, которого, как главу мусульман и наместника пророка, он не смел ослушаться, и что хранящая им в коране грамота султана, которую он предъявит русским властям, избавит их всех от ответственности.

После поймки ишан настоятельно просил задержать Субханкула, которому он передал свой коран с этой грамотой, очевидно, видя в ней свое оправдание. На вопрос военного следователя, неужели он верил, что султан действительно посылал грамоту и свой халат такому маленькому человеку, как он, ишан отвечал, что вполне верил. Подлинность султанской грамоты и халата, конечно, более, чем сомнительны, но вопрос о том, сфабрикована ли была эта грамота самим Абду-Джалилем, или привезена им из заграницы, остается открытым. Очень вероятно, что Абду-Джалиль являлся эмиссаром, подосланным поднять волнение в Фергане теми, кто заинтересован отвлечь внимание русского правительства от других вопросов и создать затруднения в области, считавшейся окончательно умиротворенной.

Сам Абду-Джалиль во время нападения ишана на Андижан находился в Шарихане, откуда, несколько дней спустя, открыто направи-

¹ Показания Макамба, Субханкула — л. 25, самого ишана — л. 20 и 53 и Иноят-хана. (Прим. в подлиннике).

² Л. 73—74. (Прим. в подлиннике).

вился в Ош, предъявил там свой паспорт китайского подданного на имя Абду-Джалиля Искакова, с визой русского консула и, не возбуждая никаких подозрений, уехал в Кашгар. Кроме китайского (кашгарского) паспорта, Абду-Джалиль имел русский паспорт и, вероятно, турецкий. О задержании и высылке в г. Ош Абду-Джалиля опским уездным начальником сделано сношение с императорским российским консулом в Кашгаре, но результаты этого сношения еще неизвестны. По всей вероятности, такой ловкий и бывалый человек, как Абду-Джалиль, успевший, благодаря смутному времени, благополучно выбраться из Ферганы, сумеет скрыться за границей.

Вопрос об ишанстве и его влиянии на жизнь магометанского населения, недостаточно разработанный даже специальной литературой, не мог быть, конечно, предметом расследования по настоящему делу и затрагивался лишь попутно, для выяснения личности ишана Могамед-Али и той роли, какую он играл в восстании. Предки Могамед-Али, как и многих других жителей Ферганской области, вышли из Кашгара и поселились первоначально в местности Чимнон теперешнего Маргеланского уезда, а затем, при последних ханах, перешли в местность Минь-тюбе, где и родился Могамед-Али. Отец его, Могамед-Сабыр был человек бедный, имел всего 5 танапов¹ земли и занимался выделыванием веретен. Это ремесло перешло к сыну, который не оставлял выделку веретен и сделавшись ишаном, отчего и получил прозвище ишан-веретенщик («икчи» или «дукчи-ишан»).

Еще в ранней юности Могамед-Али сделался мюридом, последователем известного в то время пайтоцкого ишана Султан-Хана-Тюри, который имел земли в Минь-тюбе, и юноша работал у него в качестве дувалкеша (глинобитчика). Впоследствии Могамед-Али сделался ближайшим мюридом Султан-Хана-Тюри, который назначил его своим «хальфой» (помощником, наместником). После смерти Султан-Хана-Тюри, лет 16 тому назад, Могамед-Али сделался его преемником, приняв и звание халифа, т. е. наместника пророка Могамеда.

Есть слух, что из-за тела покойного Султан-Хана-Тюри, считавшегося святым, возник спор между пайтоками и минь-тюбинцами, желавшими, каждые, похоронить его у себя в селении. Пайтокцы, среди которых были сыновья Султан-Хана, отбили его тело у Могамед-Али с его мюридами и похоронили в Пайтоке, но Могамед-Али будто бы тайно отрезал голову Султан-Хана и похоронил ее у себя в Минь-тюбе, выстроив на могиле «мазар» (памятник-часовню). Как видно из грамоты о назначении Могамедом-Али, впоследствии, своим хальфой Иноят-хана, сына Искандер-Хан-Тюри, родственника Султан-Хана пайтоцкого, преемство последнего в халифстве возводилось, между прочим, к знаменитому святому Средней Азии и всего мусульманского мира, Могамед-Богаэддину, «накши-бэнди»², т. е. угоднику божью, основателю самого влиятельного из средне-азиатских дервишских орденов, названному в память его «накши-бэнди»³. К этому ордену принадлежал и Могамед-Али. «Меня, с моими предшественниками, назы-

¹ Танап — поземельная мера: в Хиве $\frac{1}{2}$ десятины, в Бухаре $\frac{1}{3}$ десятины.

² Накши-бэнди — суфийский орден, пользовавшийся большой популярностью в Средней Азии. Основан в XIV в. суфием Могамедом Богаэддином Накши-бэнди.

³ Могамед-Богаэддин жил во времена великого Тимура, умер в 1388 г. и похоронен в окрестностях г. Бухары; на его гробнице в XVI в. воздвигнут мавзолей Абдул-Азис-Ханом. Он считается национальным святым сартов и таджиков и трехкратное путешествие на поклонение его гробнице заменяет, по понятиям его последователей, хадж в Мекку. Одним из ближайших преемников Богаэддина в звании халифа и главы ордена «накши-бэнди» был Ходжа-Обейдулла-Ахрар (Ходжа-Ахрар-Вали), ученый мистик, пользовавшийся большим влиянием на народ и на преемников Тимура. Он жил в Каракуле близ Бухары, но похоронен в Самарканде, где на могиле выстроена мечеть его имени. (Прим. в подлиннике).

вают «накши-бэнди», — говорит он в той же грамоте и причисляет к «накши-бэнди» Иноят-хана, назначая его своим хальфой. Орденом «накши-бэнди» считается белый цвет, и такого цвета халаты и тюбетейки носились мюридами Могамед-Али.

Отличием последователей «накши-бэнди», по понятиям народной массы, не посвященной в тонкости схоластических учений, от последователей другого знаменитого средне-азиатского святого Ахмета-Ясави (султана), распростиранителя писта среди кочевых тюркских племен, на могиле которого Тимур воздвиг величественную мечеть в г. Туркестане, считается самый способ моления¹. «Накши-бэнди» применяют тайную, сокровенную, внутреннюю молитву, не сопровождая ее резкими телодвижениями и жестами, тогда как кадриаты или ясавиты произносят молитвы громко, с криком и резкими телодвижениями, переходящими у странствующих дервишей в какие-то беснования. По самому свойству характера ишана Могамед-Али, человека тихого и скромного, он уже по одному этому различно в способах моления должен был склониться на сторону последователей «накши-бэнди». Составляет ли средне-азиатский орден «накши-бэнди» разветвление более могущественной мусульманской организации, сходящейся в одном из заграничных мусульманских центров, установить не удалось.

Во всяком случае идея панисламизма распространена среди нашего мусульманского населения, и более интеллигентная его часть живо интересуется политическими событиями, волнующими мусульманский мир, даже в отдаленной Африке.

Еще 11 тому назад, т. е. уже сделавшись ишаном, Могамед-Али совершил хадж в Мекку, где и прожил некоторое время. Приблизительно тогда говорили впоследствии², что у гроба пророка Могамед-Али имел откровение от бога, что он должен ишанствовать в продолжение десяти лет, завести большие котлы и кормить народ, а по истечении десяти лет — объявить газават; на слова Могамед-Али, что он — человек бедный и бедный, бог обещал ему помощь и в подтверждение откровения дал ему золотой ковш. По возвращении на родину Могамед-Али завел котел и стал кормить народ, забирая первоначально, как человек бедный, необходимые припасы в дом³. Накормленный им бедный люд, расходясь в разные стороны, разгосил о нем весть, как о добром ишане. Мало-по-малу, число посещающих его увеличилось, увеличивались и пожертвования, дававшие ему возможность расплатиться с первыми долгами и расширить свою благотворительную деятельность.

Подобно многим другим ишанам, Могамед-Али занимался и врачеванием, к нему стекалось множество всяких больных. Приемы врачевания отличались библейской простотой и наивностью: ишан брал щепотку соли или кусочек земли, дул на них и давал больному, приказывая принимать соль с ишцей, а землю прикладывать к больному месту или сам хлопал болящего рукой, затем поглаживал свою бороду и со словами: «Алла акбар» — «бог велик» — отпускал больного. Бедный туземный люд, лишенный всякой научной медицинской помощи (один врач на 300 тыс. населения, как например в Андижанском уезде), конечно, вынужден искать исцеления и облегчения своих недугов у туземных знахарей или обращаться к ишанам, в надежде на

¹ Ахмет-Ясави принадлежал к ордену «кадри», основанному в XII в. Абду-Кадиром-Гилизи и распространенному в настоящее время преимущественно в Африке, где последователи его образовали могущественное дервишское царство, с Махди во главе (Прим. в подлиннике).

² Показание Хайт-бий, протокол № 47, л. 32 (Прим. в подлиннике).

³ Показание Махамбая Кокисбаева (Прим. в подлиннике).

их святость и силу творить чудеса. Исцеления, объясняющиеся глубокой верой самого больного и психическим воздействием на него ишана Могамед-Али, очевидно бывали нередки, так как репутация Могамед-Али, как врача, все разрасталась и много больных было найдено в его доме даже в ту ночь, когда совершилось нападение на андижанский лагерь.

По мере распространения известности и славы ишана Могамеда-Али, увеличивалось и число его мюридов, последователей, избравших его своим духовным главой и руководителем в вопросах веры, нравственности и обычая. Никаких особых клятв и обещаний с мюрида не бралось, и отношения его к ишану оставались совершенно свободными, основанными на доверии и могли прекратиться во всякое время. Само собой разумеется, что мюрид обязывался оказывать ишану материальную помощь, в виде посильных пожертвований, обращаться к нему за советами в различных случаях жизни и оказывать ему повиновение. Представляющий громадный интерес вопрос о границах повиновения мюрида своему ишану разрешается, по видимому, в том смысле, что повиновение это далеко не безусловное, слепое, а касается лишь тех религиозно-нравственных обязанностей, о которых ишан говорил в своем первоначальном наставлении.

На прямой вопрос военного следователя мюридам ишана, обязан ли мюрид исполнять беспрекословно всякое приказание ишана, даже если бы он приказал убить кого-нибудь или совершить другое преступление, получался ответ, что подобное приказание ишана для мюрида совершенно необязательно; и влияние ишана направлено, главным образом, на религиозную сторону, на выполнение правил шариата. Это показание мюридов подтверждается и целым рядом документов, найденных в числе бумаг ишана Могамед-Али. В документе с печатями многих должностных лиц туземной администрации об избрании рансом самого ишана Могамед-Али, составленном в 1895 г.¹, ишану предоставляется передавать свое уполномочие и другим лицам. Вероятно, в силу этого уполномочия, ишан и назначал в различные местности, где у него очевидно было много мюридов, раисами своих доверенных лиц или предоставлял избрать их своим мюридам, которые и считали нужным сообщать ишану о том, кто избран ими рансом.

Как духовный руководитель и наставник, блюститель веры, нравственности и обычаев предков, врач и советник в различных вопросах жизни, ишан Могамед-Али должен был пользоваться громадным авторитетом в туземном населении, даже и вне среды собственно мюридов, «протянувших ему руку». У одного из самых возлюбленных его мюридов, Иноят-хана, найдено письмо, в котором какой-то Могамед-Рахим суфий (ученик) сообщает своему святому ишану, что и в далеком Токмаке Ишанского уезда все население — заочные его мюриды.

Такому распространению «славы» ишана Могамед-Али способствовала самая организация ишанизма, основанная на стройной системе «хальфов» (помощников) и «рансов» (блюстителей веры и нравственности). Избираемый самим ишаном «хальфа» все делает от имени своего «паша» (господина) и во имя его, как в благотворениях, так и в сборе пожертвований; рансы же наблюдают, чтобы святой огонь веры и твердость в исполнении религиозного обряда не ослабевали в сердцах добрых мусульман, поддерживая рвение к вере весьма чувствительными ударами рансовской плети (дарра), жалуемой ишаном при назначении рансом. Немало влияло на народ и видимое бескорыстие миф-тюбинского ишана, который, вопреки общему обычаю, никогда не ездил по

¹ Л. 475 андижанского производства (Прим. в подлиннике).

своим мюридам для сбора пожертвований, а довольствовался приносимым добровольно. В то же время устраивались именован ишана «хаджи-хан» и «шайямы», дававшие пристанище и даровую пищу бесприютному люду и путникам.

Изложенное ясно показывает, что ишану, завладевшему душой массы народной, ставшей его мюридами, весьма легко было провести в эту душу и политическую идею газавата, столь родную мусульманству. Органы для проведения ее были готовы, в лице «хальфов» и «рансов», а выборное начало отдавало ему в руки волостную и сельскую администрацию, зависевшую от его избирателей — мюридов. Уже в первое время после завоевания края сила и могущее быть антирусским влияние райсов были оценены по достоинству, почему администрация и уничтожила институт райсов. Тем не менее, при деле есть целый ряд документов, найденных в доме ишана и у некоторых обвиняемых, доказывающих, что избрание райсов не только широко практиковалось в среде населения, но и одобрялось волостной и сельской администрацией, удостоверявшей подлинность избрания своей должностной печатью.

Таким образом складывается готовый вывод, что распространению заговора минь-тюбинского ишана способствовала полная бесконтрольность проявлений духовной жизни народа, покоренного личными свойствами ишана, подпавшего под его руку в силу потребности в духовном руководстве, причем громадное содействие оказывала ишану выборная волостная и сельская администрация, пассивно созерцавшая готовящийся заговор и много способствовавшая безнаказанности его участников...¹

Военный прокурор ген.-майор Долинский.

Из объявления туркестанского генерал-губернатора, 31 августа 1898 г.²

Ныне объявляется во всеобщую известность нижеследующее:

Все арестованные участники позорного нападения на русский лагерь были разделены на 8 групп, о каждой из которых подробно опубликовано в «Туркестанских ведомостях» и «Туркестанской туземной газете» на русском и сартовском языках.

Русскими и туземными властями были задержаны и привлечены к следствию всего 546 человек. Из них, по ближайшему расследованию, освобождены от судебного преследования 131 человек. Затем предано суду 415.

Военный суд, рассмотрев виновность каждого в отдельности из преданных на его суждение, совершенно оправдал 32 человека. Из остальных 383 виновных суд приговорил: трех к заключению в тюрьму и отдале в исправительный приют, а остальных 380 — к смертной казни через повешение. Но вследствие ходатайства суда и моего, государь император ~~снисхолил~~ даровать жизнь 362³ преступникам с заменой казни ссылкой на каторжные работы: трем — без срока, 147 — на 20 лет, 41 — на 15 л., 1 — на 13 л., 1 — на 8 л., 147 — на 7 л., 4 — на 4 г., в Сибирь на поселение — 15, заключение в тюрьму — 5 и одного в исправительный приют малолетних преступников. Из них уже выслано из края 360 человек.

Тяжкое горе этих несчастных людей и их семейств было последствием безумного фанатизма упомянутого выше дукчи-ишана Могамед-Али и его сообщников и легковерия увлеченных ими мусульман.

Участовавших в нападении на андижанский лагерь и содействовавших таковому было, без сомнения, больше, чем осуждено. Знало же и

¹ Далее опускается оценка деятельности местной и русской администрации и краткое резюме изложенного выше.

² ЦВИА, д. № 85, ч. IV, л. 75.

³ Казнено 18 (Прим. в подлиннике).

не приняло мер предупреждения безумному нападению еще более, а потому, кроме уголовной ответственности непосредственно виновных, за исключением волостей, невиновность которых вполне установлена администрацией, на все остальное население Ферганской области будет наложен денежный штраф¹, а место, где проживал дукчи-ишан, и ближайшие к нему кишлаки, где зародилась и созрела преступная мысль нападения, будут очищены, жители выселены и там будет водворено русское поселение.

Теперь суд закрыт. Население словесно и письменными адресами просит прощения. Заявляя о сознании своей виновности и повергая себя милосердию государя императора, выражает свое ничтожество сравнительно с силами великой России и с могуществом белого царя.

Но все дело кончится лишь тогда, когда все заслуженные наказания, в том числе денежный штраф и очищение места для русского поселения, выполнятся. До тех пор на значительной части ферганского населения будет оставаться несмытое черное пятно.

Из доклада военного министра ген.-лейт. Куропаткина Николаю II, 13 сентября 1898 г.²

По высочайшему вашему императорского величества повелению было предоставлено генерал-лейтенанту Королькову, временно исправляющему обязанности туркестанского генерал-губернатора, отправиться в Фергану и лично произвести расследование о виновности лиц, допустивших нападение на русские войска: выяснить виновность туземцев и чинов администрации, а равно и поведение войск и подвергнуть участников беспорядков полемому суду с предоставлением права конфирмации приговоров.

Ныне генерал-лейтенант Корольков, окончив высочайше возложенное на него поручение, представил отчет по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской области...

В означенном отчете, сообщая подробные сведения о личности главаря восстания ишана Могамеда-Али-хальфа, об обстоятельствах заговора, нападения на лагерь в Андижане, поимки ишана, не состоявшихся нападений на Он и Маргелан, с указанием на признаки возбуждения мусульманского фанатизма вообще в Туркестанском крае и Бухаре, составитель отчета определяет степень виновности причастных к делу лиц, объясняет причину мятежа и внезапности нападения на Андижанский лагерь.

В заключение генерал-лейтенант Корольков указывает на необходимость для устранения возможности повторения подобных случаев принятия нижеследующих мер:

1) Отменив совершенно выборное начало, назначать на должности волостных управителей и народных судей туземцев по избранию начальников уездов с утверждением их в сих должностях начальниками областей, а сельских и аульных старшин по избранию участковых начальников, с утверждением избрания начальниками уездов.

2) Предоставить председательствование в съездах народных судей начальнику уезда или, по его назначению, участковому начальнику.

3) Восстановить в полной мере прежнее высокое значение уездной администрации и предоставить ей возможность близко стоять к народу и хорошо знать его жизнь, для чего: а) восстановить права уездных начальников по разбору брачных и семейных дел туземцев, б) освобо-

¹ Для удовлетворения семейств погибших нижних чинов и для покрытия расходов казны по успокоению края (Прим. в подлиннике).

² ЦВИА, д. № 85, ч. IV, лл. 37—44. — На документе помета Николай II: «Согласен».

дять уездных и участковых начальников от личного исполнения некоторых полицейских обязанностей, в) вместо нынешних участковых приставов иметь участковых начальников, с возложением на них прав и обязанностей земских начальников и довести число их, по крайней мере, до размеров предположенных в представленном ему по сему предмету ходатайстве, т. е. иметь 48 вместо ныне существующих 18 участковых приставов, г) возложить заведывание канцелярией уездного начальника на его помощника, д) увеличить содержание уездных и участковых начальников, а также усилить отпускаемые им средства на разъезды и на наем джигитов, часть которых особенно желательно иметь из надежных запасных нижних чинов.

4) Объединить в лице военных губернаторов военную и гражданскую административные власти в областях.

5) Несколько исправить дислокацию войск в Ферганской области в смысле усиления некоторых гарнизонов.

6) Установить, чтобы назначения на высшие в крае судебные должности происходили не иначе, как с предварительного на то согласия генерал-губернатора, а смещение со всех должностей — по первому его требованию, а также предоставить главному начальнику края право требовать к себе для просмотра всякого рода переписку судебной палаты и ее прокурора с министерством юстиции.

7) Предоставить туркестанскому генерал-губернатору безапелляционное право выселять из пределов края навсегда или на известный срок ишанов и всех вообще вредных в политическом отношении туземцев.

8) Предоставить ему же право воспрещать татарам и сартам жительство и торговлю в киргизской степи.

9) Не назначать мусульман на должности уездных и участковых начальников.

10) Не назначать классных чиновников на должности уездных и участковых начальников.

11) Обязать народных судей и волостных управителей, по истечении приблизительно пятилетнего срока, вести всю служебную переписку на русском языке, а лет через пятнадцать назначать на эти должности только лиц, хорошо владеющих русским языком.

12) Предоставить серьезные привилегии детям туземцев, с успехом окончивших курс в русско-туземных школах и городских училищах.

13) Учредить для изучения духовной жизни туземного населения и наблюдения за ней: а) должность особого чиновника при главном начальнике края, б) особые отделения при областных управлениях с возложением на них и заведывания вакуфами (ст. 267 туркестанского положения) и в) должности особых чиновников в уездах по мусульманским делам.

14) Установить способы и правила для постоянного усиления русского элемента в крае.

15) Прилагать особые заботы для учреждения возможно большего числа амбулаторий, в особенности женских, с женщинами-врачами во главе.

16) Привлечь православное духовенство к делу культурного воздействия на туземцев в русско-православном духе, без преследования, однако, миссионерских целей...

Такова сущность мнений туркестанского начальства.

Представляя при сем отчет генерала Королькова и рапорт генерала Духовского и вполне присоединяясь ко взглядам обоих генералов на истинные причины беспорядков, а равным образом, полагая существенно важным принятие на будущее время предупредительных мер, имею счастье всеподданнейше доложить о нижеследующем:

Высочайше утвержденным вашим императорским величеством положением комитета министров о продлении усиленной охраны в Туркестанском крае сроком на один год, до 10 сентября 1899 г. права администрации сего края уже значительно увеличены в общем. Благодаря сему подлежащее в будущем году применение к Туркестану судебных уставов императора Александра II не может поколебать этой власти, пока сохраняется действие усиленной охраны.

Равным образом в отношении вредно действующего выборного начала уже приняты меры к ослаблению его предоставлением по высочайшему вашему императорскому величеству повелению туркестанскому генерал-губернатору права отсрочки выборов туземной администрации по его усмотрению.

Высочайше предоставлено ему же право изменять существующий порядок замещения волостных управителей, каковые могут быть ныне назначаемы уездными начальниками с соблюдением должностной осмотрительности.

Засим все поступившие ходатайства туркестанского генерал-губернатора об утверждении сделанных им распоряжений по отращению от должности народных судей внесены мной на утверждение комитета министров, а общее представление о предоставлении туркестанскому генерал-губернатору права сменять народных судей уже внесено на уважение Государственного совета.

По вопросу об увеличении средств для надзора за населением учреждением должностей участковых приставов без предоставления им права земских начальников ожидается заключение от министра финансов, относительно отнесения вызываемых сим расхода на общие средства Государственного казначейства.

Временно же туркестанскому генерал-губернатору высочайше разрешено назначить для исполнения обязанностей дополнительных участковых приставов 17 человек офицеров из строя, с отнесением сего расхода на 25 тысячный кредит, ассигнованный на надобности, вызываемые андижанскими беспорядками.

Окончательные изменения в существующем положении об управлении краем, которое, по объяснению следствия по делу ишана Мадали, послужило причиной не бывавшей доселе дерзости туземной толпы, наэлектризованной фанатиком, должны быть сделаны установленным в законе порядком, почему полагалось бы предоставить туркестанскому генерал-губернатору войти с представлением о тех изменениях в действующем положении, о которых местным начальством не было возбуждено доселе ходатайства. Вместе с тем полагалось бы поручить туркестанскому генерал-губернатору, определив сумму дополнительных расходов, вызываемых сими изменениями, представить соображения, какая часть расходов могла бы быть отнесена на местные средства, путем соответственного увеличения взимаемых с населения налогов.

В отношении наложения взыскания с виновных чинов местной администрации я не могу разделить всецело мнение местного начальства и беру на себя смелость всеподданнейше ходатайствовать о нижеследующем:

1) Отставному генерал-лейтенанту Повало-Швейковскому объявить высочайший выговор.

2) Полковника Брянова, подполковника Кошпеевского и капитана Еникеева, допустивших в своих уездах и участие сформирование и вооруженное нападение шайки, отчислить от занимаемых ими должностей и зачислить в запас.

Начальнику же Окского уезда подполковнику Зайцеву, за несообщение им своевременно полученного известия о шайке соседним уездным начальникам, объявить выговор.

3) Всем остальным уездным начальникам из состава уезда кои были участники в нападении на лагерь, объявить высочайший выговор.

4) Всех волостных и аульных старшин, из районов кои подведомственные им туземцы принимали участие в беспорядках, сместить с занимаемых ими должностей, разрешив однако туркестанскому генерал-губернатору, по его усмотрению, делать исключения для вполне достойных.

5) Одобрить проектированную генерал-лейтенантом Корольковым меру об отчуждении в казну всей полосы, по которой прошла шайка ишана Мадали от кишлака Минь-тюбе до Дон-кишлака, с выселением жителей и устройством русских поселений, но без переселения туземцев в пределы Российской империи.

Принимая вместе с тем во внимание объяснение генерал-лейтенанта Королькова о том, что нападение на Ош не имело места только вследствие заблаговременного предупреждения о заговоре, сделанного начальнику уезда волостным управителем Карабек-Хасановым в 1 час пополудни 17 мая, то-есть накануне, что и позволило подполковнику Зайцеву принять своевременно необходимые меры, полагалось бы наградить этого туземца пожизненной пенсией в 300 рублей в год.

Испрашивается: Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше соизволить на нижеследующее:

1) Одобрить вышеприведенное ходатайство мое в отношении наложения взыскания с виновных чинов туркестанской администрации и туземных жителей на пространстве от Минь-тюбе до Дон-кишлака, а равно о поощрении преданности русским властям волостного управителя Карабек-Хасанова пожалованием ему пожизненной пенсии в 300 рублей.

2) Поручить туркестанскому генерал-губернатору рассмотреть проектированные генерал-лейтенантом Корольковым меры и войти с представлением в установленном порядке о тех из них, кои будут признаны необходимыми.

Ген.-лейт. Куропаткин.

Докладная записка военного министра ген.-лейт. Куропаткина
Николаю II, 13 сентября 1898 г.¹

По обсуждении совместно с представителями местной администрации и суда платежных сил населения Ферганской области и по выяснении степени ответственности населения различных районов сей области в андижанских беспорядках, туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Духовской признал соответственным определить размер контрибуции, подлежащей взысканию с населения, для возмещения убытков казне и частным лицам, потерпевшим от упомянутых беспорядков, суммой в один миллион рублей, с распределением ее по степени виновности жителей следующим образом:

За исключением Памиров и волостей: Гульчинской и Алайской Опшского уезда, Лялякской, Исфаринской, Нангут-Кинчакской и Сохской Кокандского уезда и Аптской, Бабадарханской, Бонстанской, Багишской, Кырк-Угильской, Сары-Суйской, Чадакской, Чаткальской, Куткуль-Чайтской Наманганского уезда, все остальное оседлое население Ферганы подлежит материальной ответственности, причем по местностям должно составить четыре разряда:

I разряд: Куланская и Минь-тюбинская волости Маргеланского уезда и город Андижан.

II разряд: Ичкиликская и Ассакинская волости Маргеланского уез-

¹ ЦВИА, д. № 85, ч. VI, лл. 42—44. — На документе помета Николая II: «Согласен».

да, Кутартская, Сусамырская и Хакентская волости Андижанского уезда и Наукатская и Акбуринская волости Опшского уезда.

III разряд: Кувинская, Шариханская, Каратепе-Чаукетская, Аравалская, Обгазинская, Язъяванская и Яктатутская волости Маргеланского уезда, Кенкольская и Карагыльская волости Андижанского уезда, Булак-бапинская и Опшская волости Опшского уезда и городов Маргелана и Оша.

И IV разряд: остальные волости и города (района); жители которого подлежат ответственности.

Распределение контрибуции, с определением размера ее пропорционально степени ответственности каждого из этих четырех разрядов, предполагается возложить на туркестанскую казенную палату с утверждения генерал-губернатора, причем с оседлого земледельческого населения контрибуция будет распределена пропорционально окладам государственного поземельного налога и государственной оброчной подати; с лиц же купеческого сословия, выбравших гильдейские свидетельства до 18 мая 1898 г., предполагается взыскать единовременно 50% цены означенных свидетельств. Взыскание всей контрибуционной суммы генерал-губернатор считает необходимым произвести в течение текущего 1898 г. и лишь в том случае, если единовременное взыскание будет признано им, генерал-губернатором, по соглашению с управляющим казенной палатой, для населения обременительным, рассрочить таковое на два года — 1898 и 1899 гг.

Упомянутая сумма в 1 миллион рассчитана туркестанским начальством приблизительно в соответствии с предстоящими расходами: 1) на обеспечение раненых нижних чинов, семейств убитых, убитых русских и туземцев, пострадавших за службу русскому правительству; 2) на покрытие всех расходов казны, вызванных андижанским восстанием и 3) на покрытие расходов по выселению туземцев из кишлаков Таджик, Кашгар, Минь-тюбе, где предполагается русское поселение, на прибытие и водворение сюда русских переселенцев и другие надобности. Упомянутая сумма определена, сверх относимых, согласно постановлению военного суда, на имущество осужденных судебных издержек.

Расходование суммы туркестанский генерал-губернатор полагал производить по постановлениям совета генерал-губернатора, им утвержденным.

На сделанное по сему вопросу сношение с министром финансов, временно-управляющий сим министерством, тайный советник Романов, уведомил, что взыскание контрибуции могло бы быть оправдано лишь в завоеванной неприятельской стране, население которой все без исключения враждебно относится к своим завоевателям; по отношению же к своим подданным, из которых провинилась сравнительно небольшая часть, понесшая при том заслуженное наказание, по силе действующих на этот предмет уголовных законов, эту меру едва ли можно признать вполне уместной.

Министерство финансов ссылается на аналогичный пример восстания в 1877 г. в Дагестанской области¹, в котором приняла участие большая часть населения. Но и там правительство не сочло возможным установить какую-либо контрибуцию, а ограничилось лишь взысканием с населения убытков, причиненных восстанием казне и частным лицам и притом приступило к этой последней мере спустя долгое время после восстания, когда в точности были выяснены все выше-сказанные убытки.

¹ В 1877 г. народы Чечни и Дагестана подняли вооруженное восстание против казны; последний жестоко расправился с восставшими.

Предположенный туркестанским генерал-губернатором размер контрибуции, по соображениям министерства финансов, составляет более чем 50% годового оклада всех взимаемых в Ферганской области окладных казенных сборов, и многие из населения могут оказаться на будущее время несостоятельными плательщиками.

Министерство финансов полагает затем необходимым вполне точное выяснение убытка общественных установлений и частных лиц и высказывается против установления подымного сбора, считая предпочтительным установить сбор в виде добавочного к взимаемым ныне в крае налогам.

Имея затем в виду: 1) что установление особого сбора, имеющего по существу временное значение, на неопределенный срок представлялось бы неудобным и 2) что, за невозможностью ныне в точности определить размеры убытков, нельзя заранее установить продолжительность взимания и размеры этого сбора, тайный советник Романов, с своей стороны, предлагает вносить в местную земскую смету Ферганской области по мере выяснения убытков, вызванных бывшими в области этой волнениями, особые кредиты на возмещение означенных убытков и в то же время назначать по раскладке той же области соответствующие суммы, которые будут взиматься в виде дополнительного сбора к существующим земским сборам и, конечно, должны падать только на население этой области, не влияя на обложение земскими сборами прочих частей туркестанского генерал-губернаторства.

По докладу о соображениях туркестанского начальства, в 24 день минувшего августа вашему императорскому величеству уже благоугодно было всемилостивейше повелеть ограничить размер денежной ответственности, подлежащей взысканию с населения Ферганской области, суммой в 300 тыс. рублей и высочайше разрешить устройство русского поселения в 200 дворов на месте указанных в донесении туркестанского генерал-губернатора кишлаков с уничтожением сих последних.

Засим, что касается названия нового налога на население, против которого возразил тайный советник Романов; полагая более уместным наложить не «контрибуцию», а ввести дополнительный «земский сбор» с населения, я со своей стороны вполне присоединяюсь к его мнению.

Вместе с тем, согласно с заключением министерства финансов, я полагал бы нужным поручить туркестанскому генерал-губернатору определить более точно размер материального ущерба, причиненного казне и частным лицам андижанскими беспорядками, с распределением взыскания в пределах всемилостивейше ограниченной вашим императорским величеством суммы в 300 тыс. рублей и пропорционально со степенью ответственности жителей разных районов Ферганы, с причислением такового взыскания к земскому сбору, в виде дополнительной к нему суммы.

На основании изложенного полагалось бы:

1) предоставить туркестанскому генерал-губернатору приступить ныне же к взысканию с виновного в ферганских беспорядках населения суммы в 300 тыс. рублей, для возмещения убытков казне и частным лицам и для покрытия расходов по водворению русских поселенцев на месте кишлаков Минь-тюбе, Таджик и Капгар.

2) Сбор означенной суммы произвести или полностью в нынешнем году, или в период нынешнего и будущего годов, без обременения общих платежных средств населения, по соглашению военного губернатора Ферганской области с туркестанской казенной палатой, утвержденном туркестанским генерал-губернатором.

3) Процентное распределение сбора по степени ответственности при-

знанных виновными районов Ферганской области, возлагаемой на туркестанскую казенную палату, утверждается туркестанским генерал-губернатором.

4) Всю сумму сбора в 300 тыс. рублей причислить в дополнение к земскому сбору соответственных периодов.

5) Предоставить туркестанскому генерал-губернатору представить на высочайшее ваше императорское величество утверждение подробные соображения о размерах сумм, подлежащих уплате казне и частным лицам из упомянутого дополнительного земского сбора в 300 тыс. рублей.

6) Если сумма в 300 тыс. рублей окажется недостаточна на покрытие упомянутых расходов, то туркестанскому генерал-губернатору предоставляется право вносить в земскую смету дополнительный сбор и в последующие за 1900-м годом годы, но в сумме не свыше 150 тыс. рублей в год.

7) Расходование суммы производить по постановлениям совета генерал-губернатора, утвержденным туркестанским генерал-губернатором, представляя заблаговременно военному министру предположения о сих расходах.

Испрашивается. Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству высочайше на сие соизволить.

Генерал-лейтенант Куропаткин.